

ЛУИЗА ПЕННИ

Королевство
слепых

Звезды мирового детектива

Луиза Пенни

Королевство слепых

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Кан)-44

Пенни Л.

Королевство слепых / Л. Пенни — «Азбука-Аттикус»,
2018 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-18100-7

Роман «Королевство слепых» продолжает серию расследований старшего инспектора Армана Гамаша. Этот обаятельный персонаж создан пером Луизы Пенни, единственного в мире пятикратного лауреата премии Агаты Кристи. Полгода назад Армана Гамаша временно отстранили от работы, его дальнейшая карьера под угрозой, но совесть инспектора чиста, и он наслаждается этой передышкой в кругу друзей и близких в деревне Три Сосны. Однако каникулы продолжаются недолго: инспектор получает письмо от нотариуса с приглашением прибыть по указанному адресу. Гамаш приезжает в заброшенный дом и выясняет, что назначен душеприказчиком в завещании незнакомой женщины, которая работала уборщицей и при этом называла себя баронессой. Сумасшедшая? Почему при взрослых наследниках она выбрала исполнителями своей последней воли троих незнакомых людей? Вскоре после оглашения завещания заброшенный дом рушится, и под обломками находят тело одного из наследников. «Мотив вполне основательный. Убийства совершаются и за двадцать долларов. А тут речь идет о миллионах». Значит, титул и баснословные деньги – вовсе не выдумка? Тем временем в нотариальном архиве найдено другое завещание, датированное 1885 годом, и вопросов становится еще больше... Впервые на русском!

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-389-18100-7

© Пенни Л., 2018

© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	21
Глава пятая	27
Глава шестая	33
Глава седьмая	38
Глава восьмая	41
Глава девятая	46
Глава десятая	51
Глава одиннадцатая	54
Глава двенадцатая	61
Глава тринадцатая	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Луиза Пенни

Королевство слепых

Louise Penny

KINGDOM OF THE BLIND

Copyright © 2018 by Three Pines Creations, Inc.

All rights reserved

© Г. А. Крылов, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Луиза Пенни – канадская писательница, автор серии детективов об Армане Гармаше, старшем инспекторе отдела убийств полиции Квебека. Уже первое ее произведение, «Убийственно тихая жизнь», завоевало несколько престижных премий в области детективной литературы, в том числе премию «John Creasy New Bloody Dagger».

Каждый последующий ее роман мгновенно становился бестселлером. Пенни – первый автор, пять раз получивший премию «Agatha Award».

* * *

Читать эту книгу – изысканное наслаждение.

Кейт Мосс

Один из самых интересных романов в жанре криминального детектива.

The Times

Эта история является идеальным напоминанием о темной стороне человеческой природы...

Kirkus Reviews

Гамаш – удивительно сложный и привлекательный герой, которому суждено стать одним из классических литературных детективов.

Kirkus Reviews

Криминальным романам Луизы Пенни присущи интеллектуальность и стиль.

Arrive Magazine

Вы не найдете деревню Три Сосны на карте... хотя Луиза Пенни сделала и саму деревню, и ее жителей столь реальными, что вам захочется непременно отыскать ее.

The Chicago Tribune

* * *

*Посвящается Хоуп Деллон, моему редактору и другу.
Вот это да!*

Глава первая

Машина еле ползла вперед и наконец остановилась на занесенной снегом проселочной дороге.

«Вот оно», – подумал Арман Гамаш и, тронувшись с места, проехал между двух высоких сосен и вырулил на полянку.

Там он притормозил и, сидя в теплом салоне, принялся разглядывать пейзаж. Стоял холодный день. Снежные пушинки падали на стекло и таяли. Теперь они летели чаще, немного мешая ему видеть то, на что он смотрел. Гамаш перевел взгляд на письмо, которое получил днем ранее: оно лежало на пассажирском сиденье.

Надев очки, Арман потер лицо и снова перечитал письмо. Оно представляло собой нечто вроде приглашения в это заброшенное место.

Гамаш выключил двигатель, но остался сидеть в машине.

Особой тревоги он не испытывал. Недоумение перевешивало беспокойство.

И все же происходящего хватало, чтобы включить тоненький тревожный сигнал. Нет, пока еще не сирену. Но старший суперинтендант уже был начеку.

Арман Гамаш не родился трусом, но по характеру вовсе не был чужд осторожности. А иначе ему было бы не выжить в высших эшелонах *Sûreté du Québec*¹. Хотя уверенности в том, что он выжил, Гамаш отнюдь не испытывал.

Он полагался на свой рациональный ум и инстинкты.

А что они говорили ему теперь?

Они совершенно точно сигнализировали: «Ты попал в странную ситуацию». Но потом он с усмешкой подумал, что те же слова могли ему сказать его внуки.

Арман достал сотовый, набрал номер, приложил телефон к уху: один гудок, второй, потом ответ.

– *Salut, ma belle*². Я приехал, – сказал он.

Между Арманом и его женой Рейн-Мари существовала договоренность: зимой, в снежный день, добравшись до места назначения, они непременно звонили друг другу.

– Как доехал? В Трех Соснах снег вроде бы усиливается.

– Здесь тоже. Добрался легко.

– И где ты? Что за место такое, Арман?

– Описать его довольно затруднительно.

И все же он попытался.

То, что видел Гамаш, когда-то служило жилищем. Потом стало домом. А теперь являло собой просто сооружение. Но и в таком качестве оно вряд ли сохранилось бы надолго.

– Это старый фермерский дом, – сказал он. – Но вид у него нежилой.

– Ты уверен, что приехал туда? Помнишь, ты как-то забирал меня из дома брата, но приехал не к тому брату? И утверждал, что я у него.

– Так то случилось сто лет назад, – усмехнулся он. – К тому же дома в Сент-Анжелике все одинаковы. Да и если уж по-честному, то и все твои сто пятьдесят семь братьев на одно лицо. К тому же он меня не любил, а я практически не сомневался: он хотел, чтобы я уехал и оставил тебя в покое.

– И ты можешь его винить? Ты приехал не в тот дом. Хорош детектив.

¹ Квебекская полиция (фр.). – Здесь и далее примеч. перев.

² Привет, красавица (фр.).

Арман рассмеялся. Их любовная история началась давным-давно. С тех пор члены ее семьи потеплели к нему: они увидели, как она любит его и (а для них это было важнее) как сильно он любит Рейн-Мари.

– Нет, я приехал туда, куда надо. Тут еще одна машина стоит.

Другой автомобиль был слегка присыпан снежком и простоял на своем месте, по прикидке Гамаша, около получаса. Не больше. Потом он перевел глаза на дом.

– В доме некоторое время уже никто не живет.

Чтобы прийти в такое состояние, нужно немалое время, отсутствие заботливого хозяина в течение многих лет.

Теперь дом представлял собой не более чем скопище материалов разного рода.

Ставни покосились, деревянные перила прогнили и покривились, встали под углом к наклонившейся лестнице. Одно из окон на втором этаже заколотили досками, и ему показалось, будто дом подмигивает ему, словно знает что-то такое, чего не знает Гамаш.

Он наклонил голову. Кажется, дом слегка скособочился? Или это его воображение преобразило дом в один из детских стишков его внука Оноре?

Жил на свете человек,
Скрюченные ножки,
И гулял он целый век
По скрюченной дорожке.
А за скрюченной рекой
В скрюченном домишке
Жили летом и зимой
Скрюченные мышки³.

Перед ним был скрюченный дом. И Арман Гамаш подумал: уж не найдет ли он внутри скрюченного человека?

Попрощавшись с Рейн-Мари, он снова обвел взглядом другую машину во дворе, ее регистрационный номер с девизом Квебека на нем: *je me souviens*.

Я помню.

Когда он закрывал глаза (как сделал это и сейчас), на него наплывали незванные воспоминания. Живые и яркие, как и в то время, когда происходили события. И не только события того дня прошлым летом, когда косые лучи веселого солнечного света упали на его окровавленные ладони.

Он видел все дни. И все ночи. И всю кровь. Свою и других людей. Людей, чьи жизни он спас. И тех, чьи забрал.

Но чтобы не сойти с ума, сохранить человечность, самообладание, ему требовались и радостные воспоминания.

Встреча с Рейн-Мари. Рождение сына и дочери. А теперь и внуков.

Их переезд в Три Сосны, деревню, ставшую для них местом отдохновения.

Отец его доброго друга, пораженный старческой деменцией, умер недавно. Последний год жизни он не узнавал семью и друзей. Оставаясь добрым со всеми, при виде некоторых он сиял. Это были те, кого он любил. Больной знал их инстинктивно и держал в безопасном месте – не в своей ушибленной голове, а в сердце.

Оно помнит гораздо надежнее, чем голова. Вопрос только в том, что же люди хранят в своем сердце.

Старший суперинтендант Гамаш знал немало людей, чьи сердца переполняла ненависть.

³ Перевод Корнея Чуковского.

Он посмотрел на перекосившийся дом перед ним и подумал: какие воспоминания поглощают его?

Инстинктивно запомнив регистрационный номер машины, он оглядел двор.

Отметил большие сугробы, под которыми, как он догадался, ржавели машины. Разобранный грузовичок. Старый трактор, превратившийся в металлолом. И что-то похожее на танк, но, вероятно, являющееся емкостью для масла, а не боевой машиной.

Он надеялся.

Гамаш надел вязаную шапочку и уже собирался натянуть перчатки, но задумался и снова взял письмо. Короткое. Несколько немногословных предложений.

Ничуть не угрожающие, они звучали чуть ли не комично, и над ними можно было посмеяться, если бы их не написал мертвец.

Эти строки, нанесенные на бумагу нотариусом, просили, чуть ли не требовали, чтобы Гамаш приехал на эту отдаленную ферму в десять часов утра. Ровно. Пожалуйста. Не опаздывайте. Merci.

Он отыскал этого нотариуса в *Chambre des Notaires du Québec*⁴.

Мэтр Лоренс Мерсье.

Умер от рака шесть месяцев назад.

Гамаш держал перед глазами письмо от мертвого Мерсье.

Ни электронного, ни какого-либо другого адреса не прилагалось. Имелся, правда, телефонный номер, но на звонки Армана никто не ответил.

У него возникло искушение проверить мэтра по базе данных полиции, но он решил не делать этого. Нет, Гамаш вовсе не был нежелательным лицом в квебекском отделении. По крайней мере, не совсем уж нежелательным. Теперь, будучи временно отстраненным после событий прошлого лета, он чувствовал, что ему не следует просить услуг у коллег. Даже у Жана Ги Бовуара. Его заместителя. Его зятя.

Гамаш снова посмотрел на когда-то прочный дом и улыбнулся. Он чувствовал родство с этим сооружением.

Вещи иногда неожиданно разлетаются на части. И независимо от того, ценили их или нет.

Он сложил письмо, сунул его в нагрудный карман. Когда Арман начал выходить из машины, зазвонил его сотовый.

Гамаш посмотрел на номер. Всякие признаки веселья исчезли с его лица.

Отважится ли он ответить?

Отважится ли не ответить?

Вызов не прекращался. Гамаш посмотрел на лобовое стекло. Снег теперь стал еще гуще, видимость ухудшилась еще сильнее, и теперь он видел мир неотчетливо.

Детектив подумал: а не станет ли в будущем ему вспоминаться этот момент каждый раз, когда он увидит старый фермерский дом, или услышит тихое падение снежинок, или вдохнет запах влажной шерсти, а если будет, то с чувством облегчения или ужаса?

– Oui, allô?

Человек стоял у окна, напрягал зрение.

Изморозь на стекле мешала видеть, но он все же сумел разглядеть ехавшую машину, потом смотрел с нетерпением, как она остановилась, а водитель остался сидеть на своем месте.

Минуту спустя или около того приехавший вышел, но к дому не пошел. Он стоял у машины, прижав сотовый к уху.

Это был первый из *les invités*⁵.

⁴ Нотариальная палата Квебека (*фр.*).

⁵ Приглашенные (*фр.*).

Человек, конечно, узнал этого первого гостя. Да и кто бы не узнал? Он достаточно часто видел его, но только в выпусках новостей. Никогда лично.

И он был более чем уверен: этот гость придет.

Арман Гамаш. Бывший глава отдела по расследованию убийств. Нынешний старший суперинтендант *Sûreté du Québec*, временно отстраненный.

Он почувствовал легкое возбуждение. Гамаш был своего рода знаменитостью. Человеком в высшей степени уважаемым и в той же степени хулимым. Часть прессы считала его героем. Другая часть – негодяем. Человеком, воплощающим в себе все самое плохое, что есть в полиции. Или лучшее. Человеком, злоупотреблявшим властью. Или отважным руководителем, готовым пожертвовать репутацией, а может, и чем-то более серьезным ради большего блага.

Гамаш делал то, чего не осмеливался делать никто другой. Или был готов к этому.

За стеклом, покрытым изморозью, за снегом, наблюдатель видел человека лет шестидесяти. Высокого – ростом не менее шести футов. И плотного. В пуховой куртке тот казался тяжеловатым. Его лицо не было одутловатым, оно выглядело усталым. Наблюдатель увидел морщины у глаз, а потом, во время телефонного разговора, брови незнакомца сошлись у переносицы.

Он плохо разбирался в выражениях лиц. Видел морщины, но не мог их прочесть. Ему показалось, что Гамаш сердится, но, возможно, он просто размышлял. Или удивлялся. А еще человек подумал, что видит изъявление радости.

Но в этом он сомневался.

Теперь снег стал еще сильнее, но Гамаш не надевал перчатки. Когда он вышел из машины, они упали в снег. Так многие квебекцы теряли варежки, перчатки и даже шапки. В машине эти вещи лежали у них на коленях, забытые к тому времени, когда нужно было выходить. Весной земля открывалась, усеянная собачьими какашками, червями и мокрыми варежками, перчатками и вязаными шапочками.

Арман Гамаш стоял под падающим снегом, подняв руку без перчатки к уху. Сжав телефон и слушая.

А когда наступила его очередь говорить, Гамаш наклонил голову, костяшки пальцев у него побелели, когда он крепче сжал телефон, а может быть – от мороза. Затем он сделал несколько шагов от машины, повернулся спиной к ветру и снегу, заговорил.

Человек в доме не слышал, что другой говорит в трубку, но потом одну фразу подхватил ветер, пронес ее по заснеженному двору, мимо когда-то ценных вещей и в дом. Когда-то тоже представлявший ценность.

– Вы пожалеете об этом.

Потом внимание человека привлекло какое-то движение во дворе. Туда въехала еще одна машина.

Второй из его *les invités*.

Глава вторая

– Арман?

Улыбка узнавания и появившееся было выражение облегчения застыли на ее лице, когда она увидела его взгляд.

Движение Гамаша, когда он повернулся к ней, было чуть ли не агрессивным. Его тело напряглось, он весь насторожился. Детектив словно готовился к возможному нападению.

Хотя она прекрасно умела читать лица и понимала язык тела, выражение на его лице оставалось ей непонятным. Если не считать наиболее очевидного.

Удивление.

Но за ним было и что-то еще. Гораздо большее.

А потом оно исчезло. Его тело расслабилось, и Арман на ее глазах произнес в трубку одно слово, потом дал отбой и сунул телефон в карман.

Последнее выражение, которое покинуло это знакомое лицо, прежде чем маска учтивости полностью скрыла его, удивило ее еще больше.

Выражение вины.

А потом появилась улыбка.

– Мирна, бога ради, что вы тут делаете?

Арман попытался придать естественность своей улыбке, хотя это оказалось делом нелегким. Лицо его онемело, чуть ли не обледенело.

Он не хотел казаться ухмыляющимся идиотом, не хотел переусердствовать в этом. Не стоило раскрываться перед этой очень проницательной женщиной. Которая к тому же была его соседкой.

Отставной психотерапевт Мирна Ландерс владела книжным магазином в Трех Соснах и давно стала добрым другом Рейн-Мари и Армана.

Он подозревал, что она видела и поняла его первоначальную реакцию. Хотя он к тому же подозревал, что она не сумела осознать всю ее глубину. Или, уж конечно, догадаться, с кем он говорил.

Гамаш настолько погрузился в разговор, в подбор слов, во внимательное восприятие ответа. И тона. В модуляции собственного голоса. Что позволил кому-то незаметно подкрасться к нему.

Слава богу, этот человек оказался другом. Но вполне мог оказаться и врагом.

Будучи кадетом академии, агентом полиции, инспектором, главой отдела по расследованию убийств, а потом и главой всего отделения, он постоянно вынужден был оставаться начеку. Он тренировал себя до такой степени, что это стало его второй натурой. Или, точнее, первой.

Нет, он не шел по жизни, каждую минуту ожидая чего-то плохого. Просто бдительность стала ему присуща, как цвет глаз.

Стала частью ДНК, частью того, как развивалась его жизнь.

Арман знал: проблема не в том, что он сейчас расслабился. Напротив. Он настолько был начеку, настолько напряжен, что в критические минуты ничего другого не воспринимал. Он не слышал приближения машины. И тихого поскрипывания сапожек по снегу.

Гамаш, человек вовсе не пугливый, испытал озабоченность несколько иного рода. В данном случае последствия оказались «доброкачественными». А в другой раз?

Угроза не обязательно должна быть угрозой жизни. Будь она таковой, он бы ее не пропустил. Она всегда оставалась довольно пустячной.

Пропущенный или неправильно понятый сигнал. Мертвая зона. Миг отвлечения. Такая полная сосредоточенность, что все вокруг подернуто туманом. Ложное допущение, принятое за факт.

А потом...

– С вами все в порядке? – спросила Мирна, когда Арман подошел и поцеловал ее в обе щеки.

– Со мной все отлично.

Она чувствовала холод его кожи, влагу от снега, упавшего на лицо и растаявшего. И еще – напряжение, кипевшее под внешним спокойствием.

От улыбки в уголках его карих глаз появились морщинки. Но сами глаза не улыбались. Они оставались пронизательными, настороженными. Внимательными. Хотя тепло из них никуда не ушло.

– Отлично, – сказал он, и она, несмотря на снедающее ее беспокойство, улыбнулась.

Они оба понимали этот код. Отсылку к их соседке по деревне Три Сосны. Рут Зардо. Талантливой поэтессе. Одной из самых именитых в Канаде. Но ее талант обволокло облако безумия. Имя Рут Зардо произносилось в равной мере с восхищением и со страхом. Словно в опасении вызвать некое волшебное существо, креативное и деструктивное одновременно.

Последняя книга Рут называлась «У меня все ОТЛИЧНО». И все было бы ничего, пока вы не понимали (нередко когда уже было поздно), что ОТЛИЧНО – аббревиатура, которая расшифровывается как Отвратительно, Тошнотворно, Лейкозно, Истерично, Чахоточно, Нудно, Омерзительно.

Да, Рут Зардо была многосторонней. К счастью для них, одна из ее ипостасей сегодня здесь отсутствовала.

Арман наклонился и поднял варежки, которые упали в снег с мощных коленей Мирны. Прежде чем вернуть владелице, он отряхнул их о свою куртку. А потом, поняв, что и его перчатки отсутствуют, вернулся к машине и нашел их почти занесенными снегом.

Человек наблюдал за всем этим из-за своей сомнительной защиты в виде дома.

Он никогда не видел только что приехавшей женщины, но уже испытывал неприязнь к ней. Она была крупной, черной, и женское так и перло из нее. Ни одну из этих особенностей не находил он привлекательной. Но что еще хуже, Мирна Ландерс приехала с пятиминутным опозданием и, вместо того чтобы поспешить в дом, принести извинения, стояла там во дворе и болтала. Словно он их и не ждал. Словно он неясно выразился касательно времени приезда.

А он выразился точнее точного.

Впрочем, его раздражение слегка смягчалось мыслью о том, что все же она приехала.

Он внимательно наблюдал за ними двоими. Такая уж у него была игра – наблюдать. Пытаться определить, что люди могут сделать дальше.

Этот человек почти всегда ошибался.

Арман и Мирна достали письма из карманов.

Сравнили их. Дословно одинаковые.

– Все это, – она огляделась, – выглядит немного странным, вам не кажется?

Он кивнул и проследил направление ее взгляда. Старый, разваливающийся дом.

– Вы их знаете? – спросил он.

– Кого?

– Тех, кто здесь живет. Жил.

– Нет. А вы?

– Non. Понятия не имею, кто они или почему мы здесь.

– Я звонила по этому телефону, – сказала Мирна. – Но мне никто не ответил. Связаться с этим Лоренсом Мерсье невозможно. Он нотариус. Вы его знаете?

– Non. Но кое-что я знаю.

– И что?

Мирна предчувствовала: сейчас она услышит что-то неприятное.

– Он умер шесть месяцев назад. От рака.

– Тогда что...

Она понятия не имела, как продолжать, а потому замолчала. Посмотрела на дом, потом на Армана. Мирна была почти одного роста с ним, и, хотя в куртке она выглядела грузной, в ее случае это не было иллюзией.

– Вы знали, что отправитель письма умер полгода назад, и все же приехали, – сказала она.

– Любопытство. А вы?

– Ну, я-то не знала, что он умер.

– Но вы знали, что история какая-то мутная. Так почему приехали?

– По той же причине. Из любопытства. А что такого уж плохого могло случиться?

Мирна понимала, что ее сентенция звучит довольно глупо.

– Если услышим органную музыку⁶, то бросимся наутек, верно, Арман?

Он рассмеялся. Ему, конечно, было известно, что может случиться. Сколько раз опускался на колени подле распростертых на земле жертв в таких случаях. Его соседка, запрокинув назад голову, принялась разглядывать крышу, просевшую под слоем снега, образовавшегося за несколько месяцев. Увидела потрескавшиеся стекла, окна, зияющие пустотой. Она моргала, чувствуя снежинки – большие, мягкие и неотступные: они падали на ее лицо, попадали в глаза.

– Но ведь это не опасно, правда?

– Не уверен.

– Не уверены? – Ее глаза распахнулись чуть шире. – Значит, все же опасность есть?

– Я думаю, единственная опасность исходит от самого здания, – он кивнул в сторону прогнувшейся крыши, наклонившихся стен, – а не от того, кто в нем находится.

Они подошли к дому, он поставил ногу на первую ступеньку крыльца, и та сломалась. Гамаш посмотрел на Мирну, вскинув брови, и она улыбнулась.

– Я думаю, это в большей степени объем съеденных круассанов, чем объем сгнившего дерева, – сказала она, и он рассмеялся.

– Согласен.

Арман помедлил секунду, глядя на ступеньки, потом на дом.

– Вы не уверены, опасно там или нет, верно? – спросила она. – Опасен ли сам дом или тот, кто внутри.

– Да, – признал он. – Я не уверен. Вы не хотите подождать здесь?

«Да», – подумала она.

– Нет, – сказала Мирна и пошла следом за ним.

– Мэтр Мерсье, – представился человек, выходя к ним навстречу и протягивая руку.

– Bonjour, – сказал Гамаш, вошедший первым. – Арман Гамаш.

Он оценил обстановку, начав с человека.

Невысокий, стройный, белый. Лет сорока пяти.

Живой.

Дом был отключен от электричества, а потому и от отопления: воздух в доме был холодный и застоявшийся. Как в большой морозильной камере.

⁶ Имеется в виду кинематографический прием, называемый «диссонирующий саундтрек», часто применяемый в фильмах ужасов: использование музыки (например, органной), ничуть не отвечающей жутким событиям на экране.

Нотариус не снял куртки, и Арман видел: она заляпана грязью. Хотя и куртка Гамаша выглядела не лучше. Выйти из машины или влезть в нее зимой в Квебеке было практически невозможно, не заляпав одежду грязью и солью.

Но куртка мэтра Мерсье казалась не просто грязной, а сплошь покрытой пятнами. И поношенной.

Он и сам имел вид несколько небрежный. Человек, как и его одежда, казался потрепанным. Но в нем чувствовалось и достоинство на грани высокомерия.

– Мирна Ландерс, – сказала Мирна, делая шаг вперед и протягивая руку.

Мэтр Мерсье взял ее, но быстро отпустил. Скорее прикосновение, чем рукопожатие.

Гамаш отметил, что поведение его соседки слегка изменилось. Страх ушел, она глядела на хозяина чуть ли не с жалостью.

Есть в мире существа, вызывающие такую реакцию. У них нет ни брони, ни ядовитых зубов, ни способности летать или даже бегать, но есть что-то такое, что делает их не менее могущественными.

Они выглядели такими беспомощными, такими нелепыми, что не могли представлять собой угрозу. Некоторые даже брали их под свое крыло. Защищали. Воспитывали. Признавали.

И почти всегда жалели потом о своих поступках.

Пока еще было слишком рано говорить, что мэтр Мерсье представляет собой что-то подобное, но первое впечатление он производил именно такое, даже на столь опытного и проницательного человека, как Мирна Ландерс.

Гамаш почувствовал это даже на себе. Его защитные механизмы в присутствии этого печального маленького человека расслабились.

Хотя и не отключились полностью.

Арман снял шапочку, разгладил свои седеющие волосы, огляделся.

Наружная дверь открывалась прямо в кухню; такое нередко встречалось в фермерских домах. Казалось, тут ничего не менялось с шестидесятых. А может, и с пятидесятых. Шкафы были изготовлены из фанеры, выкрашенной в веселенький синий цвет, в цвет васильков, столы из расцарапанного желтого ламината и полы, покрытые затертым линолеумом.

Все, что имело какую-то ценность, было унесено. Весь инвентарь отсутствовал, стены остались голыми, если не считать давно остановившихся мятно-зеленых часов над раковиной.

Он на мгновение представил себе кухню такой, какой она, вероятно, была прежде. Сверкающая, не новая, но чистая, ухоженная. Двигаются люди, они готовятся ко Дню благодарения или к рождественскому обеду. Дети, гоняющиеся друг за другом, как дикие жеребцы, а родители пытаются их приручить. А потом сдаются.

Гамаш отметил прорези на дверном косяке. Отметки роста. А потом время остановилось.

«Да, – подумал он, – эта комната, этот дом когда-то были наполнены счастьем. Весельем».

Он снова посмотрел на мэтра. Нотариус, который существовал, хотя и умер. Может быть, этот дом был его домом? Был ли он когда-то счастливым, веселым? Если так, то никаких признаков этого Гамаш не видел. Все с него было содрано.

Мэтр Мерсье сделал пригласительный жест в сторону кухонного стола. Они сели.

– Прежде чем мы начнем, я бы хотел, чтобы вы подписали это.

Мерсье пододвинул по столу лист бумаги Гамашу.

Арман откинулся на спинку стула, подальше от документа.

– Прежде чем мы начнем, – сказал он, – я бы хотел знать, кто вы и почему мы здесь.

– И я тоже, – произнесла Мирна.

– В должное время, – ответил Мерсье.

Странно было услышать такие слова – и потому, что такой оборот вышел из употребления, и потому, что он полностью отвергал их требование. Причем весьма обоснованное и исходящее от людей, которые вовсе не были обязаны приезжать сюда.

Мерсье выглядел и говорил как диккенсовский персонаж. Причем отнюдь не героический. «Интересно, – подумал Гамаш, – чувствует ли Мирна то же самое».

Нотариус положил авторучку на лист бумаги и кивнул Гамашу, который и не собирался прикасаться к ней.

– Послушайте... – сказала Мирна, положив большую руку на руку Мерсье: она почувствовала, как дернулась его рука под ее ладонью. – Дорогой... – Ее голос звучал спокойно, тепло, ясно. – Либо вы отвечаете на вопрос, либо я ухожу. А я предполагаю, вы этого не хотите.

Гамаш оттолкнул лист назад к нотариусу.

Мирна похлопала Мерсье по руке, и тот уставился на нее.

– А теперь скажите, как вы воскресли из мертвых?

Мерсье посмотрел на нее так, словно сумасшедшей была она, потом отвел глаза, и Гамаш и Мирна, проследив направление его взгляда, увидели, что он смотрит в окно.

Подъехала еще одна машина. Маленький грузовичок. Из двери выпрыгнул молодой человек, уронил рукавицы в снег. Но быстро наклонился и поднял их.

Арман перехватил взгляд Мирны.

На новоприбывшем была высокая шапка в красно-белую полоску. Ее конус заканчивался хвостообразным помпоном, который доходил до самой земли и потащился за ним по снегу, когда он двинулся от машины.

Заметив это, молодой человек поднял «хвост», один раз обернул им шею, словно шарфом, а потом набросил на плечо таким щеголеватым движением, что Мирна не смогла сдержать улыбки.

Кто бы он ни был, он излучал энергию в той же мере, в какой от мертвого Мерсье исходило бессилие.

Доктор Сьюз⁷ встречается с Чарльзом Диккенсом.

Кот в шляпе собирается войти в Холодный дом⁸.

Раздался стук в дверь, потом он вошел. Огляделся. Его взгляд задержался на Гамаше, который встал со стула.

– Allô, bonjour, – сказал веселый молодой человек. – Месье Мерсье?

Он протянул руку, и детектив пожал ее.

– Non. Арман Гамаш.

Рука у пришедшего была мозолистая, сильная. Рукопожатие твердое, дружеское. Уверенное, без принуждения.

– Бенедикт Пулио. Salut. Надеюсь, я не опоздал. Трафик на мосту просто ужас.

– Это мэтр Мерсье, – сказал Арман, отходя в сторону, чтобы новоприбывший увидел нотариуса.

– Здравствуйте, сэр, – сказал молодой человек, пожимая руку Мерсье.

– А я – Мирна Ландерс, – представилась Мирна, пожимая руку молодому человеку и улыбаясь слишком уж, на взгляд Армана, широко.

Хотя, глядя на миловидного молодого человека, всякий улыбнулся бы. Не потому, что он вызывал смех. Просто он казался любезным и вел себя без всякого кривлянья. Пулио смотрел на них задумчивыми яркими глазами.

Бенедикт снял шапку, прошелся пятерней по светлым волосам, подстриженным на манер, какой Мирна никогда прежде не видела и надеялась, что больше не увидит. Спереди волосы у него были выстрижены чуть не под машинку, а к ушам становились длинными. Очень длинными.

⁷ Доктор Сьюз – американский писатель, более всего известный как автор детских книжек, в том числе «Кот в шляпе».

⁸ «Холодный дом» – роман Чарльза Диккенса.

– Итак, – сказал он, потирая руки в предвкушении и, возможно, из-за холода. – С чего мы начнем?

Они все посмотрели на Мерсье, который не отрывал взгляда от Бенедикта.

– Что – прическа? – спросил молодой человек. – Это сделала моя подружка. Она учится на стилиста, и выпускной экзамен у нее – создание уникальной стрижки. Что вы скажете?

Он провел рукой по волосам, остальные тем временем помалкивали.

– Вид великолепный, – сказала Мирна наконец, лишний раз подтверждая для Армана истину, согласно которой любовь или обольщения воистину слепы.

– Она вам и шапку сделала? – спросил Арман, показывая на удивительный головной убор, лежавший в конце стола.

– Да. Выпускные отметки в ее дизайнерском классе. Вам нравится?

Арман издал нечто, как он хотел думать, похожее на уклончивое мычание.

– Вы прислали письмо, верно, сэр? – спросил у Мерсье Бенедикт. – Что теперь? Вы хотите устроить мне экскурсию или мы посмотрим планы? Это ваш дом? – спросил он у Армана и Мирны. – Если откровенно, то я не уверен, что его можно спасти. Он в крайне бедственном состоянии.

Гамаш и Мирна переглянулись, поняв, что говорит Бенедикт.

– Мы не вместе, – со смехом сказала Мирна. – Мэтр Мерсье пригласил нас так же, как и вас.

Она, как и Арман, вытащила письмо и положила его на стол.

Бенедикт наклонился над письмами, потом выпрямился:

– Я в недоумении. Я думал, меня пригласили с намерением предложить работу.

Он положил на стол и свое письмо. Оно было идентично двум другим, исключая адрес и получателя.

– Чем вы занимаетесь? – спросила Мирна, и Бенедикт протянул ей свою визитку.

Она была кроваво-красного цвета, имела форму алмаза и какое-то невообразимое тиснение.

– Это ваша подружка? – спросила Мирна.

– Да. Ее визитка.

– Выпускные отметки?

– Oui.

Мирна протянула карточку Гамашу, который надел очки для чтения, понес визитку к окну, чтобы лучше видеть, покрутил в руках.

– Тут нет ни телефона, ни адреса электронной почты.

– Да. Они опущены. Так меня пригласили ради работы?

– Нет, – сказал Мерсье. – Садитесь.

Бенедикт сел.

«Скорее щенок, а не кот», – подумал Гамаш, садясь рядом с Бенедиктом.

– Тогда зачем я здесь? – спросил Бенедикт.

– Мы хотим знать то же самое, – сказала Мирна, оторвав глаза от Бенедикта и уставившись на нотариуса.

Глава третья

– Назовите ваше имя, пожалуйста.

– Вы знаете мое имя, Мари, – сказал Жан Ги. – Мы много лет работали вместе.

– Прошу вас, сэр, – произнесла она любезным, но твердым голосом.

Жан Ги уставился на нее, потом на двух других офицеров, собравшихся в зале заседаний:

– Жан Ги Бовуар.

– Должность?

Он теперь смерил ее откровенно непристойным взглядом, но она выдержала и это.

– Временно исполняющий обязанности главы отдела по расследованию убийств *Sûreté du Québec*.

– Merci.

Инспектор посмотрела на экран ноутбука перед ней, потом снова на него:

– Вы будете рады узнать, что речь идет не о вас. – Она улыбнулась, он – нет. – Ваше отстранение было прекращено несколько месяцев назад. Но у нас по-прежнему остаются серьезные вопросы к месье Гамашу.

– Старшему суперинтенданту Гамашу, – сказал Бовуар. – И с какой стати у вас остаются к нему вопросы? Вы уже задавали все вопросы, какие можно, и он на все ответил. Вы к этому времени должны были снять с него все подозрения. Уже почти полгода прошло. Бросьте. Хватит, сколько можно!

Он опять посмотрел на тех, кого считал своими коллегами. Потом снова на нее. Его взгляд стал менее враждебным и более недоуменным.

– Что происходит?

Жан Ги прошел немало подобных допросов и был уверен, что сможет контролировать ситуацию, зная, что все они на одной стороне. Но теперь, видя их взгляды с противоположной стороны стола, он понял свою ошибку.

Входя сюда, Бовуар предполагал, что его ожидает формальность. Последний допрос, перед тем как шефа оправдают и допустят к работе, как это сделали и по отношению к нему.

Атмосфера и в самом деле была приятельская, чуть ли не жизнерадостная. Поначалу.

Бовуар не сомневался: сейчас ему скажут, что составляется выдержанная в строгих тонах декларация, объясняющая, что проводилось тщательное расследование. В ней будет выражено сожаление в связи с тем, что операция под прикрытием, проводившаяся полицией летом, закончилась таким кровопролитием.

Но в конечном счете будет выражена поддержка тем необычным и отважным решениям, которые принял старший суперинтендант Гамаш. И неколебимая поддержка команде полицейских, чьи действия привели к таким успешным результатам. Одобрение будет выражено Изабель Лакост, главе отдела по расследованию убийств, чьи действия спасли столько жизней и которая заплатила такую высокую цену.

И на этом все закончится.

Старший суперинтендант Гамаш вернется к работе, все войдет в нормальную колею.

Хотя сам факт того, что расследование, начавшееся летом, до сих пор продолжалось, в самый разгар квебекской зимы, сам по себе настораживал.

– Вы были заместителем у своего тестя, когда принимались решения, которые привели к тому, что мы расследуем? – спросила инспектор.

– Да, я был со старшим суперинтендантом Гамашем. Вы это знаете.

– Да, с вашим тестем.

– С моим начальником.

– Да. С человеком, который несет ответственность за то, что случилось. Мы все знаем это, старший инспектор, но спасибо, что прояснили нам.

Остальные закивали. Сочувственно. Они с пониманием отнеслись к той деликатной ситуации, в которой оказался Бовуар.

Они, как отметил для себя с некоторым удивлением Бовуар, приглашали его дистанцироваться от Гамаша.

Для него было бы легче дистанцироваться от собственных рук и ног. Его ситуация вовсе не была деликатной. На самом деле он занимал весьма твердую позицию. Вместе с Гамашем.

Но у него в глубине души появилось какое-то болезненное ощущение.

– Никто из нас не виноват, *mon vieux*⁹, – сказал ему Гамаш несколько месяцев назад, когда началось неизбежное расследование. – Ты это знаешь. Такие вопросы после случившегося должны быть заданы. Беспокоиться тут не о чем.

«Не виновен», – поправил его тесть. Но он не сказал, что они безгрешны. А они, конечно, были далеко не безгрешны.

С Жана Ги сняли все обвинения и назначили временно исполняющим обязанности главы отдела по расследованию убийств.

Но старший суперинтендант Гамаш по-прежнему был отстранен от работы, хотя Бовуар и пребывал в уверенности, что это вскоре закончится.

– Одно последнее заседание, – сказал он этим утром жене, когда они кормили сына, – и с твоего отца будут сняты все обвинения.

– Ну-ну, – ответила Анни.

– Что?

Он хорошо знал жену. Хотя она и получила образование адвоката, вряд ли кто-то смог бы найти более циничного человека. И все же он понимал, что сомнения остаются.

– Эта история уже столько длится, что, я думаю, она стала политической. Им нужен козел отпущения. Отец упустил тонну опиоидов. А он мог задержать и эту партию наркотиков. Им нужно найти виноватого.

– Но большую их часть он вернул. И потом, выбора у него не было. Правда. – Он встал и поцеловал жену. – К тому же тонны там не набиралось.

Оноре швырнул комок овсянки, тот попал в щеку Жана Ги, а с нее упал на макушку Анни. Жан Ги вытащил ошметок из ее волос, рассмотрел и сунул себе в рот.

– Ты стал настоящей гориллой, – хмыкнула Анни.

Супруг принялся ощупывать ее голову, подражая обезьяне, ищущей блох у своей «половины»; Анни рассмеялась, а Оноре опять кинул шарик из каши.

Жан Ги предполагал, что Анни никогда не будет самой красивой женщиной в собрании. Посторонний человек и не посмотрит на нее во второй раз.

Но если бы кто пригляделся, то, вероятно, обнаружил бы то, что Жан Ги смог увидеть лишь спустя много лет и ценой развалившегося брака. Увидеть, как прекрасно счастье. А Анни Гамаш излучала счастье.

Ему было известно наверняка, что она всегда будет не только самым умным человеком в любом собрании, но и самым красивым. А если кто-то этого не видел, то это уж были его проблемы.

Он отстегнул от стула сына, взял его на руки и пошел с ним к двери.

– Желаю хорошего дня, – произнес он, целуя обоих.

– Секундочку, – сказала Анни. Она сняла с Жана Ги нагрудник, вытерла его лицо и предупредила: – Будь осторожен. Боюсь, как бы это не оказалось сортиром на два очка.

⁹ Страница (фр.).

– Глубокая выгребная яма? – Жан Ги отрицательно покачал головой. – Non. Это последнее заседание. Думаю, им придется признавать, что проведенное расследование было тщательным. А куда деться? И поверь мне, когда они разберутся в фактах, им придется поблагодарить твоего отца за то, что он сделал. Они поймут, что выбор у него был говенный и он сделал то, что должен был сделать.

– Пожалуйста, не произноси таких слов в присутствии ребенка. Ты хочешь, чтобы слово на букву «г» стало первым словом, которое он произнесет? – сказала Анни. – Я согласна. У папы не было выбора. Но они могут посмотреть на дело по-другому.

– Тогда они слепцы.

– Тогда они люди, – вздохнула она, беря Оноре. – А людям нужно местечко, где они могли бы спрятаться. Я думаю, они прячутся за его спиной. И готовятся вытолкнуть папу в клетку с хищниками.

Бовуар быстро прошел до метро и поехал на последний, как он не сомневался, допрос, перед тем как все вернется к норме.

Он шел, опустив голову, сосредоточившись на тротуаре, припорошенном снежком, под которым скрывался лед.

Один неверный шаг – и жди неприятностей. Вывернутой лодыжки. Сломанной кисти при попытке предотвратить падение, а может, и расколотого черепа.

Сильнее всего тебя ударило то, чего ты не видел.

И теперь, сидя в зале заседаний, Жан Ги Бовуар спрашивал себя: а не была ли права Анни и не упустил ли он что-то?

Глава четвертая

– Кто вы? – спросил Гамаш, подаваясь вперед и вглядываясь в человека, сидящего во главе стола.

– Вы уже знаете, сэр, – сказал Бенедикт.

Пулио говорил медленно. Терпеливо. Мирне пришлось опустить голову, чтобы скрыть удивление и удовольствие.

– Он – но-та-ри-ус.

Молодой человек чуть ли не похлопал Гамаша по руке.

– Oui, merci, – поблагодарил Арман. – Я это понял. Но Лоренс Мерсье умер шесть месяцев назад. Так кто же вы?

– Здесь все написано, – сказал Мерсье. Он показал на неразборчивую подпись. – Люсьен Мерсье. Лоренс – имя моего отца.

– И вы тоже нотариус?

– Да. Я принял практику моего отца.

Гамаш знал, что в Квебеке нотариусы скорее выполняют функции юристов, чем клерков. Они занимаются всем – от сделок с недвижимостью до брачных контрактов.

– Почему вы используете его бланки? – спросила Мирна. – Это вводит в заблуждение.

– Это экономично и экологично. Я ненавижу бесполезные траты. Я использую бланки отца, когда руковожу тем, что было его бизнесом. Клиентов это избавляет от ненужной путаницы.

– Не могу сказать, что так оно и есть.

Люсьен извлек четыре папки из своего портфеля и раздал три присутствующим.

– Вы здесь, потому что вы названы в завещании Берты Баумгартнер.

Последовало молчание: они осознали услышанное. Наконец Бенедикт сказал:

– Правда?

Одновременно с ним Арман и Мирна проговорили:

– Кто такая?

– Берта Баумгартнер, – повторил нотариус, потом произнес это имя в третий раз, потому что Гамаш и Мирна продолжали смотреть на него недоуменно.

– Но я в первый раз про нее слышу, – сказала Мирна. – А вы?

Арман задумался. Он встречался со множеством людей и не сомневался: это имя запомнил бы. Но его память молчала. Это имя ни о чем не говорило ему.

Гамаш и Мирна посмотрели на Бенедикта, на красивом лице которого застыло выражение любопытства, но не более того.

– А вы? – спросила Мирна, но тот отрицательно покачал головой.

– Она оставила нам деньги?

«Этот вопрос был задан не стязательно», – подумал Гамаш. Скорее с удивлением. И да, возможно, с некоторой надеждой.

– Нет, – радостно ответил Мерсье, а потом уже без всяких эмоций отметил, что на лице молодого человека не появилось выражения разочарования.

– Так почему мы здесь? – спросила Мирна.

– Вы исполнители ее завещания.

– Что? – сказала Мирна. – Вы шутите.

– Исполнители завещания? Это что еще такое? – спросил Бенедикт.

– Чаще это называется душеприказчики, – пояснил Мерсье.

Выражение недоумения не сошло с лица Бенедикта, и тогда Арман добавил:

– Это означает, что Берта Баумгартнер хочет, чтобы мы проследили за исполнением ее последней воли. Обеспечили исполнение ее желаний.

– Так она мертва? – спросил Бенедикт.

Арман уже хотел было сказать «да», поскольку это было очевидно. Но слово «мертвый» уже продемонстрировало сегодня свою несостоятельность, а потому он не исключал, что мадам Баумгартнер...

Он посмотрел на нотариуса в ожидании подтверждения.

– Oui. Она умерла чуть больше месяца назад.

– И перед смертью она жила здесь? – спросила Мирна, посмотрев на прогнувшийся потолок и прикидывая, сколько ей понадобится времени, чтобы добежать до двери, если прогиб перейдет в обрушение. Или ей лучше будет выброситься в окно.

Посадка, скорее всего, будет мягкой ввиду слоя снега на земле и ее упаковки на манер плюшевого мишки.

– Нет, она умерла в доме для престарелых, – сказал Мерсье.

– Так это что – наподобие обязанности становиться присяжным заседателем?

– Что-что? – переспросил нотариус.

– Ну, вы же знаете, если ваше имя выпало. Что-то вроде гражданского долга. Быть... как вы это назвали?

– Исполнителем завещания, – сказал Мерсье. – Нет, это не похоже на гражданский долг. Она выбрала конкретно вас.

– Но почему нас? – спросил Арман. – Мы ее даже не знали.

– Понятия не имею, и, как это ни печально, спросить у нее мы уже не можем, – сказал Мерсье без всякой печали.

– Ваш отец ничего не говорил на этот счет? – спросила Мирна.

– Он никогда не говорил о своих клиентах.

Гамаш посмотрел на плотную пачку бумаги перед ним и увидел красный штамп в верхнем левом углу. Он не в первый раз видел завещания. Невозможно дожить почти до шестидесяти лет и не прочесть несколько таких бумаг. Что Гамаш и сделал, включая и свое собственное.

Перед ним и в самом деле лежало законное, зарегистрированное завещание.

Быстро пробежав первую страницу, он отметил, что оно было составлено двумя годами ранее.

– Перейдите, пожалуйста, на вторую страницу, – произнес нотариус. – В четвертом разделе вы увидите ваши имена.

– Но постойте... – сказала Мирна. – Кто такая Берта Баумгартнер? Хотя что-то вы должны знать.

– Я знаю только, что она умерла, а мой отец присматривал за ее собственностью. Потом дело перешло ко мне. А потом к вам. Пожалуйста, вторая страница.

И да – они увидели там свои имена. Мирна Ландерс из Трех Сосен, Квебек. Арман Гамаш из Трех Сосен, Квебек. Бенедикт Пулио, дом 267 по рю Тайон, Монреаль, Квебек.

– Это вы?

Мерсье переводил взгляд с одного на другого, и они по очереди кивали. Он откашлялся и приготовился читать.

– Постойте, – сказала Мирна. – Это глупость какая-то. Незнакомый нам человек наугад называет нас исполнителями ее завещания? Она может так делать?

– О да, – подтвердил нотариус. – Вы можете хоть папу римского назвать, если хотите.

– Правда? Вот здорово! – сказал Бенедикт, проворачивая в голове варианты.

Гамаш не полностью соглашался с Мирной. Разглядывая имена в завещании Берты Баумгартнер, он сомневался, что выбор делался случайно. Их имена. Очень четко. Арман подозре-

вал, что существовала какая-то причина, по которой они там появились. Хотя что это была за причина – оставалось неясным.

Коп, владелица книжного магазина, строитель. Двое мужчин, одна женщина. Разные возрасты. Двое живут за городом, один в городе.

Никаких совпадений. Ничего общего у них не было, если не считать того, что их имена оказались в одном документе. И факта, что никто из них не знал Берту Баумгартнер.

– И тот, кто назван в завещании, обязан делать то, о чем там сказано? – спросила Мирна. – Мы обязаны это делать?

– Нет, конечно, – сказал Мерсье. – Вы можете себе представить святого отца, продающего эту собственность в качестве исполнителя завещания?

Они попытались. Но, судя по улыбке на лице Бенедикта, только ему это и удалось.

– Значит, мы можем отказаться? – спросила Мирна.

– Oui. Вы хотите отказаться?

– Я не знаю. У меня не было времени обдумать это. Я понятия не имела, зачем вы меня сюда приглашаете.

– А что вы подумали? – спросил Мерсье.

Мирна откинулась на спинку стула в попытке вспомнить.

Утром перед получением письма она находилась в своем книжном магазине.

Налила себе кружку крепкого чая и села в удобное кресло с точным отпечатком ее тела.

Плитка была включена, а за окном стоял яркий, солнечный зимний день. Небо отливало идеальной синевой, и покрытые свежим снегом сверкали белизной поляны, дорога, хоккейная площадка, снеговик на деревенской площади. Вся деревня сияла.

В такие дни человека тянуло на улицу. Хотя и было понятно, что лучше этого не делать. Как только ты выходил на улицу, холод хватал тебя, обжигал легкие, запаивал ноздри, перехватывал дыхание. В глазах у тебя появлялись слезы. Ресницы смерзались, так что тебе приходилось раздирать веки.

И все же, хотя и хватая ртом воздух, ты оставался стоять. Еще чуть-чуть. Побывать частью этого дня. Прежде чем вернуться к печке и горячему шоколаду или чаю. Или к крепкому, ароматному кофе с молоком.

И электронной почте.

Она читала и перечитывала письмо, потом позвонила по указанному в письме телефону, чтобы спросить, по какой причине нотариус хочет ее видеть.

Не дозвонившись, Мирна взяла письмо и отправилась поговорить в бистро за ланчем с друзьями и соседями, Кларой Морроу и Габри Дюбо.

Те вели дискуссию о снежных скульптурах, турнире по хоккею с мячом, конкурсе на лучшую шапочку, закусках на приближающийся зимний карнавал, и Мирна почувствовала, что ее внимание рассеивается.

– Привет, – сказал Габри. – Кто-нибудь есть дома?¹⁰

– Что?

– Нам нужна твоя помощь, – обратилась к нему Клара. – Гонки на снегоступах вокруг деревенской площади. Один круг или два?

– Один для возраста до восьми лет, – сказала Мирна. – Один с половиной для возраста до двенадцати, и два для всех остальных.

– Да, это убедительно, – согласился Габри. – Теперь команды снежных боев...

Мысли Мирны снова поплыли. Она как в тумане отметила, что Габри встал и подкинул несколько полешек в каждый камин бистро. Он остановился, чтобы поговорить с кем-то из

¹⁰ Отсылка к известной песне «Есть кто-нибудь дома?» канадского рок-ансамбля «Our Lady Peace»; песня, по словам ее авторов, посвящена тому, как утешить человека в отчаянии.

клиентов, в это время вошли другие с холода, потопали, стряхивая снег с обуви, потеряли заходевшие руки.

Их встретило тепло, запах кленового дымка, пироги со свиной прямо с пылу с жару и неизменный аромат кофе, которым пропитались даже балки и доски пола.

– У меня есть кое-что – хочу тебе показать, – прошептала Мирна Кларе, пока Габри занимался клиентами.

– Ты почему шепчешь? – Клара тоже понизила голос. – Это что-нибудь грязное?

– Нет, конечно.

– Конечно? – переспросила Клара, вскинув брови. – Я тебя слишком хорошо знаю для такого «конечно».

Мирна рассмеялась. Клара ее и в самом деле знала. Но и она знала Клару.

Каштановые волосы ее подруги торчали во все стороны, словно ее слегка ударило током. Она немного напоминала спутник... спутник средних лет. Что объясняло и характер ее искусства.

Картины Клары Морроу были не от мира сего. И в то же время оставались глубоко, мучительно человеческими.

Она писала то, что представлялось портретами, но было таковыми только на поверхности. Прекрасно выписанная плоть растягивалась и иногда истончалась; на ранах, на празднествах. На пропастях потерь и вспышках радости. Клара писала мир и отчаяние. И все это в одном портрете.

Кистью, полотном и краской Клара и пленяла, и освобождала своих героев.

А еще ей удавалось с ног до головы измазаться краской. Краска была на щеках, в волосах, под ногтями. Она сама представляла собой незаконченный портрет.

– Я тебе покажу попозже, – сказала Мирна: к столику вернулся Габри.

– А грязь уж лучше потом, – добавила Клара.

– Грязь? – повторил за ней Габри. – Выкладывай.

– Мирна считает, что взрослые должны участвовать в соревновании голыми.

– Голыми? – Габри посмотрел на Мирну. – Не то чтобы я ханжа, но дети...

– Да бога ради, – сказала Мирна. – Я ничего такого не говорила. Клара все выдумала.

– Конечно, если проводить соревнования ночью, когда дети спят... – сказал Габри. – Развесить факелы вокруг деревенской площади... Да, это было бы неплохо. Мы бы наверняка поставили несколько рекордов скорости.

Мирна сердито посмотрела на Клару. Габри, президент зимнего карнавала, воспринимал дурацкую шутку серьезно.

– Или пусть не голые, потому что... – Габри оглядел собравшихся в бистро, представляя их без одежды. – Может, лучше в купальных костюмах.

Клара нахмурилась, но не с порицанием, а удивленно. Вообще-то, идея была не так уж и плоха. В особенности еще и потому, что большинство разговоров в бистро во время долгой-долгой, темной-темной квебекской зимы велось о том, что хорошо бы сбежать в тепло. Полежать на берегу, пожариться на солнышке.

– Можно назвать это бегством на Карибы, – сказала она.

Мирна тяжело вздохнула.

Пожилая женщина в другом конце бистро увидела это и сочла, что пренебрежительный взгляд предназначался ей.

Рут Зардо ответила тем же.

Мирна перехватила ее взгляд и подумала о несправедливости природы: старость избородила лицо поэтессы морщинами-извилинами, но отнюдь не добавила ей мудрости.

Хотя мудрость в ней была, если рассеивался туман виски.

Рут вернулась к своему ланчу из выпивки и картофельных чипсов. В блокноте, лежащем на столе перед ней, не было ни рифм, ни смысла, но между затрепанными страницами проглядывало ее внутреннее состояние – комок в горле.

Она посмотрела в окно и написала:

Острые, как льдинки,
ребячьи крики пронзают небо...

Утка Роза на диване рядом с Рут забормотала «фак-фак-фак». Впрочем, может, она говорила «дак-дак-дак». Хотя глупым казалось, чтобы утка говорила «дак»¹¹. И те, кто знал Розу, чувствовали, что «фак» – гораздо более вероятно.

Роза вытянула длинную шею и аккуратно взяла чипс из тарелки, пока Рут смотрела, как дети катаются с горки – от церкви к самой деревенской площади. Потом она написала:

*Или в засыпанной снегом деревенской церкви
встать наконец на колени и помолиться
о том, чего нам не будет дано.*

Подали ланч. Клара и Мирна заказали палтуса с семенами горчицы, листьями карри и помидорами на гриле. Что касается Габри, то его партнер Оливье приготовил ему рябчика с жареным инжиром и пюре из цветной капусты.

– Я собираюсь пригласить премьера, – сказал Габри. – Он мог бы открыть карнавал.

Дюбо каждый год приглашал Жюстена Трюдо. Но ответа ни разу не получил.

– Может, он поучаствует в гонках? – спросила Клара.

Глаза Габри широко распахнулись.

Жюстен Трюдо. Гоняется вокруг деревенской площади. В плавках.

С этого момента разговор пошел вкривь и вкось.

Сердце Мирны в этом не участвовало, как не участвовал и ее разум; хотя на мгновение она и задержалась на образе Трюдо, но мысли тут же вернулись к письму в кармане.

Что случится, если она никуда не поедет?

Солнце окрашивало снег за окном в розовые и голубые тона. До них доносился детский визг, в котором слышалась смесь удовольствия и страха от скоростного спуска на санках с горки.

Картинка казалась такой идиллической.

Но...

Но если по какой-то прихоти судьбы на небо накатывали тучи, когда ты находился вдали от дома, а редкий снежок переходил в круговорот метели, тогда тебе оставалось только надеяться на удачу.

Квебекская зима, такая веселая и спокойная, могла ополчиться на тебя. Могла убить. И делала это каждый год. Осенью мужчины, женщины, дети, живые и здоровые, не замечали надвигающейся метели – и уже больше никогда не встречали весну.

За городом зима была прекрасным, великолепным, блестящим убийцей.

Квебекцы с сединой в волосах и морщинами на лицах дожили до преклонных лет благодаря мудрости, благоразумию и предусмотрительности, которые вовремя приводили их домой. Они наблюдали за метелью, сидя у веселого огонька с чашкой горячего шоколада или бокалом вина и хорошей книгой.

Если для канадцев мало что было страшнее, чем оказаться в метель под открытым небом, то и мало что было приятнее, чем сидеть в тепле у камина, когда за окном бушует непогода.

¹¹ Duck – утка (англ.).

И жизнь вмещала в себя столько всякого разного, что, как это хорошо знала Мирна, всего один шаг отделял радость от горя.

Пока Габри и Клара обсуждали достоинства «все включено» против других курортов, против круизов, Мирна, поразмышляв о письме, решила предоставить все судьбе.

Если будет снег, она останется дома. Будет ясно – поедет.

И теперь, сидя в несуразной кухне за несуразным столом со странным нотариусом и чудоватым молодым строителем, Мирна смотрела в окно на усиливающийся снегопад и думала...

Долбаная судьба. Опять обманула.

– Мирна права, – сказал Арман, положив на завешание большую руку. – Мы должны решить, хотим ли мы заниматься этим. – Он посмотрел на собеседников. – Что скажете?

– Мы можем сначала прочесть завешание, а потом решить? – спросил Бенедикт, похлопав по пачке бумаг.

– Нет, – ответил нотариус.

Мирна встала:

– Я думаю, нам следует поговорить. Приватно.

Арман обошел стол, нагнулся к сидевшему там Бенедикту и прошептал:

– Если хотите, можете к нам присоединиться.

– О да, здорово. Хорошая мысль.

Глава пятая

Гамаш, выходя из кухни в столовую, остановился у дверного косяка, чтобы рассмотреть отметки.

Наклонившись, он смог разглядеть рядом с линиями процарапанные имена.

Энтони, три года, четыре, пять и так далее до самого косяка.

Кэролайн, три года, четыре, пять...

Потом Гуго. Но здесь линии были плотнее. Словно кольца старого дуба, который не торопится расти. Или уже очень вырос.

Гуго отставал от брата и сестры, когда они были в таком же возрасте. Но неожиданно рядом с его именем у каждой слабой линии был стикер. Лошадка. Собачка. Мишка. И если маленький Гуго не отличался ростом, то вот такое отличие у него все же имелось.

Арман заглянул в кухню, в которой почти ничего не осталось, потом в пустую столовую с обоями в потеках воды.

«Что здесь случилось?» – спрашивал он себя.

Что такого случилось в жизни мадам Баумгартнер? Почему она была вынуждена выбирать незнакомых людей на роль душеприказчиков? Куда делись Энтони, Кэролайн и Гуго?

– Крыша протекает, – сказал Бенедикт, проведя большой рукой по пятну на обоях в столовой. – Влага просачивается по стенам. Все гниет. Жаль. Посмотрите на эти полы.

Они посмотрели. Старая сосна. Покоробленная.

Бенедикт пошел дальше, осматривая комнату, вглядываясь в потолок.

Он расстегнул молнию своей зимней куртки, под которой оказался свитер, отчасти ворсистый, отчасти плотно вязанный, а примерно треть выглядела так, будто ее изготовили из стальной стружки.

Мирна не могла поверить, что человек может чувствовать себя удобно в таком свитере, но было вполне вероятно, что изготовила эту вещь его подружка.

Вероятно, он любит ее. Сильно любит. А она любит его. Все, что она создала, предназначалось ему. То, что ее творения выглядели ужасно, ничуть не умаляло ее заботы. Правда, не исключалось, что она делала их такими специально. Не только для того, чтобы он выглядел идиотом, но и чтобы причинить ему физическую боль: свитер из стальной стружки наверняка царапал и натирал молодую плоть под ним.

Она либо сильно любила Бенедикта, либо презирала его. Сильно.

А он либо не видел этого, либо ему нравилась боль, оскорбления – есть люди, которым приятны такие вещи.

– Ну, так вы хотите быть исполнителем завещания? – спросила Мирна.

– А что я должен буду делать? – спросил Бенедикт. – Что мы все должны будем делать?

– Если завещание простое, то немного, – сказал Арман. – Смотреть, чтобы платились налоги и оплачивались счета, чтобы завещанное доставалось тому, кто назван в завещании. Потом продажа собственности. С этим помогает нотариус. Душеприказчиками обычно становятся члены семьи и друзья. Люди, которым доверял завещатель.

Трое переглянулись. Никто из них не находился в родстве с Бертой Баумгартнер, никто не был ее другом. И все же они оказались здесь.

Арман осмотрел влажные стены – не осталось ли на них старых фотографий, потом пол – не упали ли они туда. Что-нибудь такое, что сказало бы им, кто такая Берта Баумгартнер. Но он так ничего и не увидел. Только неясные отметки на дверном косяке. И лошадка, собачка, мишка.

– Звучит не так уж страшно, – сказал Бенедикт.

– Это в случае, если завешание простое, – сказал Арман. – Если нет, то на это может уйти много времени. Очень.

– Ну несколько дней, да? – спросил Бенедикт. Не получив ответа, он добавил: – Недели? Месяцы?

– Годы, – сказал Арман. – На исполнение некоторых завещаний уходят годы, в особенности если между наследниками возникают споры.

– А такие споры – дело нередкое, – сказала Мирна. Она развернулась на триста шестьдесят градусов. – Причина тому в жадности. Но похоже, они уже вывезли отсюда все, что можно. И я не могу себе представить, чтобы для дележа осталось что-то ценное.

Арман рядом с ней проворчал что-то про себя.

Она посмотрела на него и кивнула:

– Я знаю. Нам это может казаться чем-то нестоящим, но людям, у которых ничего нет, немного сверху может показаться целым состоянием.

Он продолжал хранить молчание.

Гамаш думал не совсем так. Завешание, собственность – за этим может крыться нечто большее, чем деньги, собственность, вещи. Если кто-то получил больше других, это может толковаться как предпочтение, оказанное ему покойным. Есть разные виды жадности. Нужды.

И завешания иногда использовались для нанесения последнего оскорбления, последней пощечины от призрака.

– Наши труды оплатят? – спросил Бенедикт.

– Может быть, немного. Обычно это делается как услуга, – сказал Арман.

Бенедикт кивнул.

– И как мы можем узнать, простое это завешание или нет?

– Мы это можем узнать, только прочтя завешание, – сказала Мирна.

– Но мы его не можем прочесть, пока не дадим согласия, – заметил Бенедикт.

– Уловка двадцать два, – произнес Гамаш, однако лицо молодого человека не осенила искорка понимания. – Я думаю, мы должны исходить из худшего и решать, хотим ли мы возложить на себя такие обязанности.

– А если не захотим? – спросила Мирна. – Что тогда?

– Суд назначит других исполнителей.

– Но она хотела нас, – сказал Бенедикт. – Не могу понять почему. Наверное, у нее имелись какие-то основания. – Он замолчал, задумался на секунду. Они чуть ли не слышали, как вращаются шестеренки в его голове. Наконец он отрицательно покачал головой. – Нет. Ничего такого в голову не приходит. Вы ведь знаете друг друга, верно?

– Мы соседи, – сказала Мирна. – Живем в одной деревне минутах в двадцати езды отсюда.

– Я живу с подружкой в Монреале. Никогда не выезжал в эту сторону. Может быть, она имела в виду какого-то другого Бенедикта Пулио.

– Вы живете на рю Тайон в Монреале? – спросил Арман, а когда молодой человек кивнул, Гамаш продолжил: – Она имела в виду именно вас.

Бенедикт внимательно посмотрел на Армана, словно только сейчас увидел. Он поднес руку к виску, выставив указательный палец.

– Ух какой у вас шрамище! Что произошло? Несчастный случай?

Арман поднял руку и провел пальцами по затянувшемуся шраму:

– Non. Повреждение.

«И не одно», – подумала Мирна, хотя ничего не сказала.

– Это случилось некоторое время назад, – успокоил Арман молодого человека. – Сейчас я в порядке.

– Наверно, было здорово больно.

– Да. Но я думаю, другим было больнее.

«Он явно понятия не имеет, кто такой Арман», – подумала Мирна. И увидела, что Арман не собирается об этом говорить молодому человеку.

– Так или иначе, мы должны решить, – сказала она, подходя к окну. – Снегопад усилился.

– Вы правы, – сказал Арман. – Мы должны поспешить. Так мы участвуем или нет?

– Вы? – спросила у него Мирна.

Он уже принял решение. Это случилось в тот момент, когда нотариус объяснил, почему они здесь.

– Я понятия не имею, почему мадам Баумгартнер выбрала нас. Но она нас выбрала. Я не вижу причин отказываться. Я участвую. Кроме того, – он улыбнулся Мирне, – я любопытен.

– Это точно, – сказала она, потом посмотрела на Бенедикта. – Вы?

– Вы говорите, годы? – спросил Бенедикт.

– В худшем случае – да, – сказал Гамаш.

– У нас могут уйти годы, и все бесплатно, – повторил Бенедикт. – Да и черт с ним. Я участвую. Насколько плохим может это быть?

Мирна посмотрела на красивого молодого человека с отвратительной прической и в свитере из стальной стружки. «Если он смог смириться с этим, – подумала она, – то смиритесь и с вызывающими досаду незнакомцами, грызущимися из-за цента».

– Вы? – спросил Арман у Мирны.

– Ну, я-то всегда участвую, – с улыбкой сказала она.

И тут окна сотряслись и загремели: порыв ветра обрушился на дом. Он заскрипел, потом издал резкий треск.

Мирна почувствовала, что ее охватывает паника. Ощутила резкий вброс адреналина. В доме для них было небезопасно. Но и снаружи тоже.

А им еще предстояло возвращаться домой в Три Сосны.

– Нам нужно уезжать.

Быстро пройдя в кухню, она выглянула в окно. Свою машину ей почти не было видно: та теперь была покрыта летящим, падающим и крутящимся снегом.

– Мы участвуем, – сказала она Люсьену. – И уезжаем.

– Что? – спросил Люсьен, встав.

– Мы уезжаем, – сказал Арман. – И вам тоже нужно ехать. Где ваш офис?

– В Шербруке.

До Шербрука было не менее часа езды.

Они не снимали ни курток, ни ботинок, а теперь схватили варежки и шапки и бросились к задней двери.

– Пойдите, – сказал Люсьен, снова садясь. – Мы должны прочесть завещание. Мадам Баумгартнер написала, что мы должны сделать это здесь.

– Мадам Баумгартнер мертва, – сказала Мирна. – А я планирую пережить этот день.

Она натянула шапочку на голову и следом за Бенедиктом вышла из дома.

– Месье, – сказал Арман, – мы уходим. Все, включая и вас.

Бенедикт и Мирна пробирались к ее машине по снегу, который местами уже доходил до колен. Молодой человек вытащил лопату из сугроба и уже начал откапывать ее машину.

Люсьен откинулся на спинку стула и сложил руки на груди.

– Вставайте, – сказал Арман, а когда нотариус не шелохнулся, он ухватил его под руку и поднял на ноги.

– Одевайтесь! – приказал он, и, потрясенный такой бесцеремонностью, Люсьен после короткой паузы повиновался.

Арман посмотрел на свой айфон. Сигнала не было. Метель не пропускала волны.

Он взглянул на снежную круговерть, потом на потрескивающий, скрипучий, скрюченный дом.

Они должны уходить.

Гамаш сунул бумаги в портфель, протянул его нотариусу:

– Идем.

Открыл дверь, и ветер ударил ему в лицо. У Армана перехватило дыхание. Он закрыл глаза и сморщился: снежные шарики, хлеставшие в лицо, начисто ослепили его.

Звук стихии был оглушающим.

Воющее, лупящее, яростное движение. Оно обрушилось на них, подавило собой. Мир разбушевался. И они оказались в самом эпицентре этого буйства.

Снег налипал на лицо Гамаша, и ему пришлось отвернуться. Он увидел Бенедикта, яростно борющегося со снегом лопатой: он освобождал машину Мирны из образовавшегося вокруг нее сугроба. Не успевал молодой человек очистить какой-то участок, как снег уже снова залеплял его.

Единственным небелым предметом, видимым глазу, была шапочка Бенедикта; ее длинный, в красно-белую полоску помпон казался пятном крови на снегу.

Мирна очищала лобовое стекло.

Грузовичок Бенедикта был уже весь засыпан, а машина нотариуса исчезла полностью.

Когда Арман добрался до остальных, его ботинки и рукава были полны снега, который набился и под шапочку, и за воротник.

Мирна пыталась открыть дверь машины, но ветер дул с такой силой, что она не могла этого сделать.

– Снег слишком глубокий! – крикнул Арман в ухо Мирны. – Оставьте это! – Потом он подошел к Бенедикту, орудовавшему лопатой сзади, ухватил его за руку. – Даже если мы сумеем откопать всех, дороги слишком плохи. Мы должны держаться вместе. Ваш грузовичок, пожалуйста, лучшее, что у нас есть.

Бенедикт посмотрел на свою машину, потом снова на Армана.

– В чем дело? – прокричал тот, чувствуя, что тут что-то неладно.

– У меня нет зимних покрышек.

– Нет зим... – Но Гамаш оборвал себя на полуслове. Когда горит дом, искать виноватых – неподходящее время. – Ладно. – Он повернулся к Мирне и Люсьену. – Моя машина немного защищена машиной Мирны, которая действует как щит. Мою нам, вероятно, удастся откопать.

– Но я должен вернуться в Шербрук, – сказал Люсьен, показывая на свою машину, которая теперь представляла собой еще один сугроб во дворе.

– И вернетесь! – прокричала Мирна. – Только не сегодня.

– Но...

– Выкапывайте, – сказала Мирна, показывая на «вольво» Армана.

– Чем?

Арман показал на портфель Люсьена.

– Нет, – сказал нотариус, прижимая портфель к себе, как плюшевого мишку.

– Отлично, – сказала Мирна.

Она выхватила портфель из его рук и принялась спихивать им снег с дверей; Бенедикт тем временем работал лопатой, а Арман оторвал деревянные планки с крыльца дома, подсунул их под задние колеса, ботинками надежно забил их подальше.

Люсьен продолжал стоять.

Наконец им удалось открыть двери. Мирна силой затолкала нотариуса на заднее сиденье, села рядом с ним.

– Вы за рулем! – прокричал Бенедикт Арману, показывая на водительское сиденье. – Я буду толкать.

– Non. Когда мы начнем двигаться, мы не должны останавливаться. Мы опять застрянем. Тот, кто толкает, останется здесь.

Бенедикт задумался.

«Бог ты мой, – подумал Арман. – Он и в самом деле думает, не остаться ли ему».

– Садитесь! – приказал он.

Молодой все еще в нерешительности уставился на пожилого.

– Все получится, – сказал Гамаш. На сей раз он говорил мягче, а снег продолжал падать, и драгоценные мгновения уходили. – Садитесь.

Бенедикт протянул было руку к водительской двери, но Арман остановил его.

– Садитесь, – с улыбкой сказал он и показал на пассажирскую дверь.

Мирна во второй раз проверила, пристегнулась ли она, потом закрыла глаза и вздохнула. Глубоко. И помолилась.

Машина начала сдавать назад: Гамаш очень медленно и осторожно нажимал педаль газа. Автомобиль словно задумался, преодолевая уступ досок.

Колеса поднялись приблизительно на дюйм снежной массы со льдом и оказались на деревянной поверхности.

Обретя сцепление, машина двинулась. Дюйм. Шесть дюймов. Фут.

Бенедикт выдохнул. Мирна выдохнула. Нотариус пытался дышать глубоко.

Арман включил переднюю передачу и немного повернул рулевое колесо, и теперь они двигались назад к проезду, высаженному соснами.

– O merde, – сказал Бенедикт.

Мирна просунулась вперед между сиденьями и увидела то, что видел он.

Выезд блокировала снежная стена. Такая высокая, что дорогу за ней они не увидели.

– Все в порядке, – сказал Гамаш. – Это означает, что тут недавно прошел снегоборщик. Это хорошо.

– Хорошо? – переспросил Бенедикт.

– И посмотрите, что он сделал, – сказал нотариус, обретя свой голос. Или чей-то еще. Голос звучал неестественно высоко и прерывисто. – Нам через нее не проехать.

Снегоборщик перекрыл выезд с дорожки, создал препятствие. Невозможно было сказать, насколько оно широкое, плотное. И что там, по другую его сторону.

Но выбора у них не оставалось. Проверить можно было только одним способом.

– Держитесь, – сказал Арман и нажал педаль газа.

– Вы уверены? – сказал Бенедикт, видя, как машина приближается к барьеру.

– О черт, – сказала Мирна, вжимаясь в кресло.

А потом они врезались в стену.

Снег взорвался, налип на лобовое стекло, ослепив их, а машина резко дернулась сначала в одну, потом в другую сторону.

Потом, к ужасу Бенедикта, Арман откинулся на спинку сиденья.

– Тормозите! – вскрикнул Бенедикт.

Он потянулся было рукой к рулю, но Гамаш вцепился в его запястье такой железной хваткой, что молодой человек поморщился.

Снежный пласт отвалился с лобового стекла, и теперь они увидели лес, надвигающийся на них.

Бенедикт охнул, уперся руками в приборную панель; Арман же смотрел перед собой, ждал. А потом, когда казалось, что уже поздно, осторожно нажал тормозную педаль.

Машина замедлилась. Потом остановилась. Ее капот почти прикоснулся к наносу по другую сторону.

В машине стояла мертвая тишина, потом слышались долгие выдохи.

Они стояли поперек дороги, перегораживая ее. Арман быстро посмотрел в одну сторону, в другую, убедился, что других машин на дороге нет.

Только дураки выезжают в такую метель.

Раздался тихий, легкомысленный смешок.

– О черт, – вздохнула Мирна.

Арман сдал назад – поставил теперь машину носом к дому. Включив аварийку, он вышел оценить понесенный ущерб.

– Что это была за фигня? – потребовал ответа Бенедикт, который тоже вылез из машины и обошел ее с другой стороны, чтобы высказать претензии Арману. – Вы сдались. Вы нас чуть не убили.

Арман обеими руками показал на машину.

– Да! – прокричал Бенедикт. – Чистое везение.

– Не без этого.

Если бы на дороге оказалась другая машина или если бы возвращался снегоуборщик...

– Вы не знали, что делать! – прокричал Бенедикт Арману, который начал счищать снег с решетки радиатора машины. – Я же все видел.

– Похоже, то, что я сделал, и то, что видели вы, – две разные вещи. Иногда лучшее, что мы можем сделать, – это не делать ничего.

– Что это еще за дзеновская фигня?

Бенедикт сердито смотрел на Гамаша, снег крутился вокруг него, кулаки молодого человека сжимались.

– Вас никто не учил ездить по снегу? – прокричал Гамаш в метель.

– Я умею это делать лучше, чем вы.

– Тогда вы сможете преподать мне урок. Но вероятно, не сегодня.

Они вернулись в машину, Гамаш включил передний ход.

– И чтобы вы знали... – сказал он, сосредоточившись на дороге. – Я никогда не сдаюсь.

– Куда мы едем? – спросил Люсьен с заднего сиденья.

– Домой, – ответила Мирна.

Глава шестая

– Мы приехали? – спросил нотариус. В очередной раз.

– Oui.

– Правда?

Ответ был таким неожиданным, что Люсьен замолчал. Он рукавом стер конденсат с окна машины и посмотрел наружу. И увидел... что там ничего нет.

А потом ветер на мгновение сдул снег, и на долю секунды сквозь разрыв в метели нотариус увидел дом. Жилье.

Дом, сложенный из плитняка, через окна со множеством переплетов испускал мягкий свет.

А потом он исчез, проглоченный метелью. Видение было настолько кратким, что Люсьен в отчаянии решил: это его воображение выстроило сказочный коттедж.

– Вы уверены? – спросил он.

– Абсолютно.

Не прошло и часа, как Арман и его гости приняли душ и облачились в сухую чистую одежду. Только Люсьен отказался от всех предложений.

Они сидели за длинным сосновым столом, а печка в дальнем конце комнаты выдавала тепло на-гора. Снег за окнами доходил до рам по обе стороны очага, отчего выглянуть на улицу было затруднительно.

Бенедикт надел хозяйскую футболку, свитер и слаксы; он уже успокоился после дороги. Горячий душ и обещание еды подняли ему настроение.

Молодой человек огляделся.

Коттедж не сотрясали порывы ветра, окна не дребезжали, несмотря на ярость разбушевавшейся стихии. «Дом построили на века, – подумал Люсьен, – и он простоял уже не меньше века. А то и двух».

Даже если бы он и постарался, очень постарался, ему вряд ли удалось бы построить такой надежный дом.

Мерсье посмотрел на мадам Гамаш, которая подавала бульон, на Армана, нарезавшего хлеб. Время от времени они обменивались словами. Их тела соприкасались на манер столь же случайный, сколь и сокровенный.

Бенедикт спрашивал себя: если бы он постарался, очень-очень постарался, смог бы он построить отношения такие же прочные?

Он поскреб грудь и поморщился.

Несколькими минутами ранее, стоя под горячей струей душа, Арман спросил у Рейн-Мари:

– Тебе имя Берта Баумгартнер о чем-нибудь говорит?

– Это не какой-то мультяшный персонаж? – спросила Рейн-Мари. – Нет, та из комиксов про Дагвуда. А она не негодяйка из комиксов про «Дунсбери»?

Он выключил душ, вышел из кабинки, взял из ее рук полотенце.

– Mercі. – Вытирая волосы, он весело посмотрел на нее, но увидел, что она серьезна. – Нет, она была вроде как соседкой.

Гамаш надел вельветовые брюки, свитер, объяснил, почему его пригласили на эту одиноко стоящую ферму.

– Душеприказчик? Вероятно, ты ее знал, Арман. Иначе почему бы она тебя выбрала?

– Понятия не имею.

– И Мирна ее не знает?

– И парнишка этот тоже не знает. Бенедикт.

– И как ты это объясняешь? – спросила она.

– Никак.

– Угу, – сказала Рейн-Мари.

Поставив для них на стол кружки с бульоном, сэндвичи и пиво, Рейн-Мари оставила их и со своим ланчем ушла в гостиную.

Сидя у очага рядом с Грейси, их маленьким найденышем, Рейн-Мари смотрела в огонь и повторяла:

– Берта Баумгартнер. Берта Баумгартнер...

Нет, это имя ни о чем ей не говорило.

– Итак, – сказал Люсьен, поправляя очки на носу, – вы все согласились стать исполнителями воли покойной Берты Баумгартнер. Верно я говорю?

Бенедикт произнес нечто похожее на «верно», но, поскольку рот его был набит сэндвичем с ростбифом, получилось нечто несуразное.

Анри, лежавший у ног Армана, насторожился, наострил уши, его хвост прошелся разок туда-сюда.

– Верно вы говорите, – сказала Мирна, подражая тону нотариуса, хотя он этого, казалось, и не заметил.

Стул под ней заскрипел, когда она с кружкой горохового супа в руках откинулась на спинку. Ей хотелось взять пива, но кружка доставляла ей такое удовольствие, что она не желала выпускать ее из рук.

Арман час назад высадил ее у дверей бистро, поскольку дверь ее магазина оказалась засыпанной снегом, и она через внутреннюю дверь прошла к себе, где, прежде чем отправиться к Гамашам, приняла горячий душ и переоделась.

– Господи боже, – сказала ее подруга Клара, прижав Мирну к себе. – Мы так беспокоились.

– Я – нет, – сказал Габри, хотя тоже крепко обнял ее. – Ты в порядке? – спросил он. – Видик у тебя говенный.

– Могло быть и хуже.

– Где ты побывала? – спросил Оливье.

Мирна не видела причин скрывать от них.

– Берта Баумгартнер? – сказал Габри. – Берта Баумгартнер? Правда? Здесь жила женщина по имени Берта Баумгартнер и я ее не знал? Кто она была?

– Ты не знаешь? – спросила Мирна.

Габри и Оливье знали всех.

– И ты не знаешь? – спросила Клара, провожая ее до двери, соединяющей бистро и книжный магазин.

– Понятия не имею. Ни малейшего.

Мирна остановилась, посмотрела в их удивленные лица.

– Ты говоришь, что и Арман стал душеприказчиком? – спросил Оливье. – Он должен ее знать.

– Нет. Никто из нас не знает. Даже нотариус.

– И она жила тут неподалеку по дороге? – спросила Клара.

– Минутах в двадцати езды отсюда. Вы уверены, что вам это имя незнакомо?

– Берта Баумгартнер, – повторил Габри, явно наслаждаясь звучанием имени.

– Не смей, – сказал Оливье, а потом, обращаясь к Кларе и Мирне, добавил: – Он ищет новое подходящее имя, чтобы подписать приглашение премьеру Трюдо на карнавал. Мы подозреваем, что имя Габри Дюбо уже попало в черный список.

– Да, я ему послал несколько писем, – признался Габри. – И пару фотографий.

– И?.. – спросил Оливье.

– И прядь волос. В мою защиту скажу: не свою, а Оливье.

– Что? Вот сукин сын!

Оливье потрогал свои редеющие волосы. Каждая светлая прядь была на счету.

Спустившись через двадцать минут в теплой, сухой одежде со своего чердака в бистро, она обнаружила, что Габри и Оливье на улице – расчищают дорожки.

– Они не Рут откапывают? – спросила Мирна у Клары.

Откопать Рут было все равно что выпустить на свободу химеру. Такое с легким сердцем не делаешь. К тому же и загнать ее назад нелегко.

– Боюсь, что да. Они ее еще и кормят. Они налили бульон в бутылку из-под виски, надеясь, что она не заметит разницы.

– Рут, может, и не заметит, а вот Роза сразу почувствует.

Утка у Рут была разборчивая.

– Ты куда собралась? – спросила Клара, следуя за ней к двери.

– К Арману. Читать завещание.

– А мне можно?

– А ты хочешь?

– Конечно, я же предпочитаю гулять в метель, чем сидеть у огня с книгой и виски.

– Я так и думала, – сказала Мирна, распахивая дверь.

Сгибаясь от встречного ветра, она потопала по глубокому снегу.

Мирна не знала Берту, но ее неприязнь к этой женщине все увеличивалась. В геометрической прогрессии.

Арман стоял в кабинете, прижав к уху телефонную трубку.

Сквозь разрывы в метели он видел фигуру Мирны, пробирающейся к его дому по деревенской площади.

Рейн-Мари сказала ему, что телефон не работает, но он решил проверить, не восстановили ли линию.

Не восстановили.

Арман посмотрел на часы. Они показывали половину второго; если бы Гамаш этого не знал, то решил бы, что уже полночь.

Три с половиной часа прошло с того момента, когда ему позвонили в машину перед домом Берты Баумгартнер. Три с половиной часа после того сердитого обмена словами.

Когда он думал об этом, к нему возвращался запах влажной шерсти, шепот снежинок, падающих на крышу его машины.

Он сказал, что перезвонит им. Заставил их пообещать ничего не делать, пока он с ними не свяжется. А тут это.

Рейн-Мари приветствовала Мирну, а Арман, положив мертвую трубку, вернулся в кухню – к бульону, сэндвичам, пиву и чтению завещания.

– По радио говорят, что метель накрыла весь Южный Квебек, – сказала Мирна, проводя рукой по волосам. – Но закончится к ночи.

– На такой большой территории? – спросил Арман.

Рейн-Мари всмотрелась в его лицо. Вместо озабоченности он, казалось, чувствовал облегчение.

Свет в окнах квартиры Анни и Жана Ги в монреальском квартале Плато замигал.

Они оторвались от своих занятий и уставились на лампы в потолке.

Свет мигал. Мигал.

Но устоял.

Анни и Жан Ги переглянулись и вскинули брови, потом вернулись к разговору. Жан Ги рассказывал ей о своей встрече сегодня утром с расследователями.

– Они тебя просили что-нибудь подписать? – спросила Анни.

– Откуда ты об этом знаешь?

– Значит, просили?

Он кивнул.

– И ты подписал?

– Нет.

– Хорошо.

Перед его мысленным взором возникли листы бумаги на столе перед ним, их выжидающие лица.

– Ты была права. У них своя повестка. Я боюсь, твоему отцу грозит не только временное отстранение или даже увольнение.

– А что?

– Толком не знаю. Они не предъявляли никаких обвинений, но все время возвращались к наркотикам. К тем, которые он пропустил.

– Они сразу об этом знали, – сказала Анни. – Он им сразу сказал. Предупредил копов по всей стране и в Штатах. Американское управление по борьбе с наркотиками перехватило наркоту, которая пересекла границу. Верно?

– Да, с помощью твоего отца.

– И твоего.

– Oui. Но немалая часть ушла. Килограммы. Здесь. В Монреале. Где-то. Мы несколько месяцев искали. Использовали всех наших информаторов. И ничего. Когда эта дрянь попадет на улицы...

Он не закончил предложение, не зная, что сказать.

– Это просто ужасная дрянь, Анни.

– Я знаю.

Жан Ги отрицательно покачал головой:

– Ты только думаешь, что знаешь, но ты не знаешь. Представь себе худшее. Хуже не бывает.

Она представила.

– И вот это будет лучшим из того, что может случиться, – сказал он.

Анни улыбнулась, думая, что он шутит. Наверняка преувеличивает. Но потом улыбка сошла с ее лица.

Так плохо.

– Я думаю, они догадываются, какая говнобуря поднимется, когда эта дрянь попадет на улицы. Им нужен козел отпущения.

– Им?

– Им. – Он поднял руки. – Я не знаю. Я плохо разбираюсь в этой политической мерзости. Этим занимался твой отец.

– Но дело политическое?

– Я так думаю. Никого особо не беспокоит судьба тех несчастных сукиных сынов, которые будут покупать дрянь на улицах. Они прикрывают собственные задницы.

– А отец знает?

– Я думаю, догадывается. Но он все еще пытается отыскать эту чуму. Он не смотрит в том направлении. Я, честно говоря, думал, когда входил туда сегодня утром, что они мне скажут: расследование закрыто и твой отец восстановлен в правах.

– И что теперь? – спросила Анни.

– Не знаю, – сказал он, тяжело откидываясь назад. – Устал я от всего этого, Анни. Наелся.

– Я знаю. Это мерзость. Спасибо, что поддерживаешь отца.

Жан Ги кивнул, но ничего не сказал.

Он снова услышал увещающий голос Мари: «Все это уйдет, старший инспектор. Когда вы подпишете. Тогда вы сможете продолжать жить своей жизнью».

Глава седьмая

Бенедикт, Мирна и Арман сидели, уставившись на страницу перед ними.

Потом они подняли головы и переглянулись.

Потом, словно по команде, посмотрели на Люсьена.

– Это какая-то шутка, верно? – спросила Мирна, а Арман рядом с ней снял очки для чтения и посмотрел на нотариуса.

– Не понимаю, – сказал Бенедикт.

– Все предельно ясно, – сказал Люсьен.

– Но это же чепуха, – сказала Мирна. – Лишенная всякого смысла.

Арман перевел взгляд на документ. Они наконец добрались до восьмого раздела завешания, при этом нотариус читал каждый предшествующий раздел, каждый пункт, каждое слово своим гнусавым голосом. Из-за усталости и утренних стрессов, после еды, в тепле, исходящем от печи, и под заунывный голос Люсьена им приходилось напрягаться изо всех сил, чтобы не уснуть.

Гамаш несколько раз замечал, как веки Бенедикта смыкались и голова падала, а потом молодой человек с трудом прорывался назад к действительности. Широко раскрыв глаза, он держался, пока его тяжелые веки не смыкались снова.

Но теперь сна у него не осталось ни в одном глазу. У всех них.

– Здесь сказано, – Мирна посмотрела на страницу, ткнула пальцем в нужную строку, – «Я завещаю трем моим детям по пять миллионов долларов каждому».

Она снова жестким взглядом посмотрела на Люсьена.

– Пять. Миллионов. Долларов, – повторила она. – По вашему мнению, есть в этом какой-то смысл?

– Каждому, – заметил Бенедикт. – Всего... пятнадцать миллионов.

– Пять, пятнадцать, сто миллионов, – сказала Мирна. – Какая разница. Чепуха.

– Может быть, она имела в виду деньги «Канадской покрывки»¹², – сказал Бенедикт, пытаясь быть полезным.

Нет, не имела.

– И что мы должны делать с этим? – спросила Мирна.

Она показала на завешание, потом воззвала к Арману, который смотрел на нотариуса, подняв брови.

– У нее есть такие деньги? – спросил он.

– У Берты Баумгартнер? – добавила Мирна. – Мы все в одном доме были сегодня утром? Эта женщина с явно богатым воображением вряд ли была миллионершей.

– Может быть, она была... как это говорят... – сказал Бенедикт.

– Скрягой? – спросил Арман.

– Сумасшедшей, – сказал Бенедикт.

– Мы еще не закончили, – сказал Люсьен.

Он загундосил дальше, но теперь они слушали внимательно, следили за каждым словом, а дары следовали один за другим.

Продаже подлежал ее дом в Швейцарии, а также здание в Вене. Вырученные деньги подлежат разделению между детьми и внуками. При этом миллион долларов получал местный приют для животных.

– Это мило, – сказал Бенедикт.

¹² Имеются в виду купоны лояльности, выпускаемые компанией «Канадская покрывка» («Canadian Tire money»).

«Секция 8», – подумал Арман, просматривая цифры на странице. В армии США так называлось подразделение для умственно непригодных. Может быть, Бенедикт нашел точное слово.

– Титул, конечно, переходит, – читал нотариус, – моему старшему сыну Энтони.

– У-у? – протянула Мирна.

Слова к этому времени уже не давались ей, и она перешла к звукам.

– Титул? – спросил Бенедикт. – Это что такое?

– Может, имеется в виду право собственности на дом? – сказал Арман.

Лампы в кухне замигали.

Все присутствующие умолкли, уставившись на светильник, стоящий на сосновом столе, мысленно давая ему команду гореть.

Но подача мысленных команд, как они это обнаруживали на примере мадам Баумгартнер, и их исполнение – нередко две разные вещи.

Свет снова замигал, потом зажегся в полную силу.

Они переглянулись и облегченно вздохнули.

И в этот момент электричество во всем доме вырубилось.

На сей раз без всяких подмигиваний. Прекратились и все звуки. Перестал верещать холодильник, затихла печка, смолкли часы. Они сидели в тишине за кухонным столом.

Дневной свет продолжал проникать внутрь через окна кухни, но он был слаб. Словно растерял силу на долгом пути сюда.

Но вскоре умер и он.

Арман чиркнул спичкой и зажег керосиновые лампы по обе стороны стола, а Мирна зажгла свечи на кухонном островке. Все это на всякий случай стояло наготове.

– У тебя порядок? – спросил Арман, подойдя к двери между кухней и гостиной.

Там он увидел огонь в камине и уже зажженный фонарь.

– Нет проблем, – ответила Рейн-Мари. – И никаких сюрпризов.

– Мы почти закончили. Через несколько минут приду к тебе.

Он взял два небольших полешка из аккуратной стопки, сунул их в печку, которая теперь стала их основным источником тепла. Пока никакой чрезвычайщины не наблюдалось. Но если электричества не будет долго, если пройдут дни, а температура упадет еще ниже, а огонь погаснет...

– Очень мило, – сказал Бенедикт, оглядывая световые лужи.

– Ну, давайте на этом закончим, – сказал Арман, а когда Люсьен стал возражать, Мирна поднялась со стула и просто вышла. Захватив свое пиво, она присоединилась к Рейн-Мари в гостиной.

Бенедикт последовал за ней.

Арман махнул рукой, приглашая Люсьена присоединиться к ним. Поколебавшись недолго, Люсьен неохотно встал.

Усевшись, Мирна спросила:

– Как мы будем исполнять завещание, которое не имеет смысла? Мы не можем раздать родственникам деньги, которых нет.

– Мадам Баумгартнер переоценила свою собственность? – спросила Рейн-Мари.

– Миллионов так на двадцать, – сказала Мирна.

Рейн-Мари поморщилась:

– Это называется перелет.

– Мы все исходим из того, что у нее нет денег, – сказал Люсьен. – Может быть, они у нее все же были.

– Вы так думаете? – спросил Арман.

– Конрад Кантцен.

– Прошу прощения?

– Конрад Кантцен, – повторил нотариус. – О нем мне рассказывал отец. Месье Кантцен был третьестепенным актером на Бродвее в двадцатые годы. Он побирался, питался из мусорных бачков, а когда умер, у него обнаружилось четверть миллиона долларов. Это и сегодня деньги немалые, а по тем временам целое состояние.

Они молча осмыслили это.

– Никогда нельзя знать, – сказал Люсьен.

Глава восьмая

– Арман, ты спишь?

– Мм...

Гамаш перевернулся на бок, чтобы видеть Рейн-Мари. Воздух в спальне стоял прохладный, но под пуховым одеялом было тепло. Он потянулся в поисках ее руки.

Они перенесли свой матрас в кухню и устроились у печки, чтобы ночью можно было встать и подбросить дровишек.

– Сегодня днем, узнав, что метель накрыла большую часть Квебека, ты, казалось, порадовался.

– Испытал облегчение.

– Почему?

«Объяснить это будет потруднее», – подумал он.

Анри и Грейси лежали, свернувшись на полу, рядом с ними; вдруг они зашевелились, но Арман и Рейн-Мари погладили их, и они успокоились, уснули.

– Вчера днем мне нужно было быть в Академии *Sûreté* на одной встрече, – прошептал Арман. – Я просил их ничего не предпринимать, пока не приеду я. Но тут налетела буря, и телефоны отключились. Вот я и забеспокоился, что они начнут без меня. Но поскольку метель накрыла такую большую территорию, я понял, что ничего не случится. Их тоже занесло снегом.

И он мог расслабиться. Зная, что в следующие несколько часов, пока воет метель, мир не будет двигаться. Замрет на месте.

В бурном, часто лихорадочном темпе жизни, в том, что тебе представлялась возможность ничего не делать, было что-то глубоко мирное. Ни Интернета, ни телефона, ни телевизора. Ни света.

Жизнь стала простой, примитивной. Тепло. Вода. Еда. Компания.

Арман вылез из-под одеяла и сразу же почувствовал холод.

Перешагнув через другие матрасы на кухонном полу, он подбросил еще поленьев в печку.

Прежде чем вернуться в теплую постель, Арман посмотрел через окно с переплетом в темноту. Потом нагнулся и подоткнул одеяло под Рейн-Мари.

И когда он сделал это, голос, резкий и неожиданный, воззвал к нему из темноты.

Предыдущим вечером те, кто не был занесен снегом, откапывали тех, кого занесло, прочищали дорожки от дома до дороги.

Габри и Оливье были приглашены к Гамашам, когда закончат, но отказались.

– Не хотим закрывать быстро, – объяснил Оливье.

– И у нас неожиданные постояльцы в гостинице! – прокричал Габри сквозь шквалистый ветер. – Не могут вывести свои машины, чтобы доехать до дому.

– Не могут найти свои машины.

Оливье лопатой показал на могильные холмы вокруг деревенской площади.

– Как ты думаешь, нам удастся привлечь к этому ребяташек? Убедить их в том, что это такая игра? – прокричал Габри в шапочку Оливье. – Тот, кто первым откапает машину, получит приз?

– А призом придется сделать мозг, – сказал Оливье.

Расчистили дорожку к дому Рут; Рейн-Мари постучала к ней, но старуха отказалась открывать дверь.

– Приходите к нам на обед! – прокричала Рейн-Мари в закрытую дверь. – Приносите Розу. У нас много еды.

– А выпивка?

– Есть.

– Нет, я не хочу выходить.

– Рут, пожалуйста... Вам не следует оставаться одной. Приходите. У нас есть виски.

– Не знаю. Последняя бутылка, которую я пробовала... у нее какой-то странный вкус.

Рейн-Мари слышала страх в ее голосе. Старуха боялась покинуть свой дом и выйти в метель. Все инстинкты выживания противились этому. И хотя Рут Зардо не очень-то подчинялась инстинктам выживания, ей все же удалось переползти через восьмидесятилетний рубеж.

В том числе и потому, что она не выходила из дому в метель.

Они один за другим в начале вечера подходили к дверям Рут, расчищая снег на тропинке.

И она отфутболивала их одного за другим.

– Ну все, хватит, – сказал Арман, вставая.

Прежде чем направиться к двери, он прихватил одеяло «Гудзонов залив»¹³.

– Что ты собираешься делать? – спросила Рейн-Мари.

– Приведу сюда Рут. Пусть для этого мне и придется сломать ее дверь.

– Вы собираетесь ее похитить? – спросила Мирна.

– Это не противозаконно? – спросила Рейн-Мари.

– Противозаконно, – сказал Люсьен, который был не в ладах с юмором. – Кто такая Рут?

Почему она такая важная персона?

– Она личность, – сказал Арман, уже успевший надеть куртку и ботинки.

– Неужели? – одними губами спросила Мирна у Рейн-Мари.

– Ты ведь знаешь: если ты ее похитишь, выкупа тебе никто не заплатит, – сказала Рейн-Мари. – А мы будем обречены выносить ее общество.

– Рут не так уж и плоха, – сказала Мирна. – Меня беспокоит утка.

– Утка? – спросил Люсьен.

– Я пойду с вами, сэр, – сказал Бенедикт.

– Вы сомневаетесь, что я смогу привести ее сам? – шутливо спросил Арман.

– Ее сможете, – сказал Бенедикт. – Но утку?

Арман несколько мгновений смотрел на него, потом рассмеялся. В отличие от Люсьена, Бенедикт легко входил в любой разговор. Запросто отделял шутку от серьезных слов.

Бенедикт надел ботинки, куртку, шапочку и рукавицы, и Гамаш открыл дверь, но только для того, чтобы удивленно отступить.

На пороге стояла Рут, покрытая снегом. Ее тяжелое зимнее пальто топорщилось и шевелилось.

– Я слышала, у вас тут виски, – сказала поэтесса, проходя мимо них так, словно они были гости, а она – хозяйка дома.

Рут пошла в дом, на ходу роняя на пол шапочку, рукавицы, пальто и куртку.

– Это кто? – спросила Рут, показав Розой на Люсьена и Бенедикта.

Рейн-Мари представила их.

– Они не пьют виски, – сказала она, правильно предположив, что Рут ничего другого и не хочет про них знать.

В дальнем конце гостиной на обеденном столе, на котором стояли несколько керосиновых ламп и свечи, лежали на выбор хлеб, сыр, холодная курица, ростбиф и выпечка.

– Вам о чем-нибудь говорит имя Берта Баумгартнер? – спросил Арман у Рут.

Он сел на диван рядом с ней и протянул приготовленную для нее тарелку.

– Ничего, – сказала Рут.

Мирна отошла от стола на некоторое расстояние и прошептала Арману на ухо:

¹³ Традиционные канадские одеяла, которые компания «Гудзонов залив» с XVIII века обменивала на бобровые шкурки.

– Никакие другие имена, кроме «Джонни Уокера» или «Гленфиддиха»¹⁴, ее не интересуют. Смотрите и учитесь.

Мирна вернулась к столу, положила себе на тарелку куриную ножку, немного камамбера, кусочек багета и сказала:

– Берта Баумгартнер? Оливье недавно получил целый ящик. Двадцатипятилетний. Медленного старения в дубовой бочке. Очень мягкий.

– Так что, «Берта Баумгартнер» – это выпивка? – спросила Рут, вставая в разговор.

– Нет, не выпивка, старая пьяница, – сказала Мирна. – Но нам нужно твое внимание, хотя оно и неустойчивое.

– Ты жестокая женщина, – обиделась Рут.

– Мы – исполнители ее завещания, – произнес Арман. – Но мы с ней не были знакомы. Она жила поблизости.

– Старая ферма на пути в Мансонвиль, – сказала Мирна.

– Берта Баумгартнер? Мне это имя ни о чем не говорит, – бросила Рут. – Ты – нотариус?

– Я? – прошамкал Бенедикт с набитым ртом.

– Нет, не ты. – Рут оглядела его. И его волосы. – Я вижу, у Габри появился конкурент в борьбе за кресло деревенского дурня. Я говорю про него.

– Про меня? – спросил Люсьен.

– Да, про тебя. Я знала некоего Лоренса Мерсье. Он приезжал, чтобы обсудить со мной мое завещание. Твой отец?

– Да.

– Вижу сходство, – сказала она. На комплимент ее слова не походили.

– Так вы составили завещание? – спросила Рейн-Мари, возвращаясь с тарелкой на свое место у огня.

– Нет, – сказала Рут. – Решила ничего не делать. Нечего оставлять. Но у меня есть письменные инструкции на мои похороны. Цветы. Музыка. Парад. Речи всевозможных важных персон. Дизайн почтовой марки. Все как обычно.

– Дата? – спросила Мирна.

– Ну, я, может, еще и не умру, – ответила Рут.

– Если мы не найдем осиновый кол или серебряную пулю.

– Это только слухи. – Рут обратилась к Арману. – Так эта Берта сделала тебя исполнителем ее завещания, а ты ее даже не знал? Похоже, она чокнутая. Жаль, что я ее не знала.

– Впрочем, она не первая оставляет странное завещание, – сказала Рейн-Мари. – Разве завещание Шекспира не лишено странностей?

– Oui, – сказал Люсьен, почувствовав себя наконец на знакомой почве. – Оно было вполне стандартным до конца, в котором он написал: «Оставляю моей жене мою вторую лучшую кровать».

Это вызвало смех, потом наступила тишина: они, как ученые, несколько веков пытавшиеся понять, что это означает, пытались осмыслить услышанное.

– А как насчет Говарда Хьюза?¹⁵ – спросила Мирна. – Ведь он умер, не оставив завещания.

– Да что говорить, он и в самом деле был чокнутый, – усмехнулась Рут.

– Моя любимая цитата из Хьюза: «Я не слабоумный миллионер, впавший в паранойю. Я миллиардер, черт побери», – сказала Рейн-Мари.

– Это мне знакомо, – кивнула Рут.

¹⁴ Имеются в виду сорта виски.

¹⁵ Говард Робард Хьюз (1905–1976) – американский предприниматель, инженер, авиатор, режиссер, продюсер, миллиардер.

– Его завещание в конце концов было урегулировано, – добавил Люсьен.

– Да, – сказала Рут. – Спустя почти тридцать лет.

– Черт побери, – произнес Бенедикт, обращаясь к Арману, – надеюсь, нам потребуется меньше времени.

– Ну, я надеюсь, что мне потребуется меньше времени, – ответил Арман, произведя в уме подсчеты.

В комнате похолодало, и они стали жаться поближе к огню, слушая Люсьена Мерсье. Тот рассказывал о человеке, завещавшем по пенсу каждому ребенку, который придет на его похороны, и о мужьях, которые наказывали жен и детей из могилы.

– «От матери с отцом затрах, / Как и от их любви избытка», – процитировала Рут.

– Я знаю это стихотворение, – сказал Бенедикт, и все глаза обратились к нему. – Но оно о другом¹⁶.

– Неужели? – сказала Рут. – Ты разбираешься в поэзии?

– Не то чтобы разбираюсь. Но эти стихи я знаю, – сказал Бенедикт.

Он или не почувствовал сарказма, или, по крайней мере, оказался непроницаемым для него. «Полезная черта», – подумал Арман.

– И как же, по-твоему, дальше? – спросила Рейн-Мари.

– «Родительских забот предмет, – без запинки, легко проговорил молодой человек, – ты рос и зрел под их крылом».

У всех сидевших вокруг печки глаза полезли на лоб.

– «Всю дрянь, что держат в голове, – сказала Рут, как дуэлянт надвигаясь на Бенедикта, – тебе в мозги вливают – пытка».

– «От них не знал ты слова „нет“, – ответил он. – От них узнал ты слово „дом“».

Рут сердито уставилась на него. Остальные смотрели, не скрывая удивления.

– Продолжайте, – сказала Рейн-Мари.

И Рут продолжила:

Зла непрестанна череда,
Кругами всем пришлось ходить.
Беги отсюда навсегда,
Чтобы детей не наплодить.

Теперь глаза всех обратились к Бенедикту.

Добра бессменна череда,
Ты место в ней себе найди,
Люби родителей всегда
И сам потомство наплоди.

– Он это взаправду? – спросила Рут, возвращаясь к своему виски.

Огонь лепетал в печке, а снаружи завывал ветер; метель захватила власть, заперла всех в домах.

И Арман подумал, что вопрос Рут задан очень к месту.

Взаправду ли это Бенедикт?

Они решили, что Люсьен, Мирна и Бенедикт останутся на ночь. Как и Рут. Ее с Розой поместили на матрасе ближе всех к печке в кухне.

¹⁶ Строки из стихотворения «Те самые стихи» английского поэта Филипа Ларкина (1922–1985); это стихотворение о том, что родители всегда пытаются передать детям свои худшие качества.

В ранний утренний час, подложив поленьев в печку, Арман наклонился и подоткнул одеяло Рейн-Мари.

Зла непрестанна череда,
Кругами всем пришлось ходить.

Как это ни странно, Бенедиктова версия знаменитого стихотворения отодвинула оригинал в голове Армана на задний план.

Потом он услышал движение на соседнем матрасе. И из темноты до него донесся голос:
– Кажется, я знаю, кто такая Берта Баумгартнер.

Глава девятая

Рейн-Мари немного приоткрыла глаза в полусне, вытянула руку по простыне к Арману, но нащупала швы надувного матраса.

Вторая сторона была холодна. Не охлаждалась, а уже остыла.

Она открыла глаза и увидела в окне мягкий свет раннего утра.

В печке бушевало пламя. Значит, поленья были недавно подложены.

Рейн-Мари поднялась на локте. В кухне – никого. Даже Рут и Розы нет. Даже Анри и Грейси.

Она надела халат и тапочки, щелкнула выключателем. Света еще не было. Потом она увидела записку на сосновом кухонном столе.

*Ma Chère,
Рут, Роза, Анри, Грейси и я пошли в бистро поговорить с Оливье и Габри.
Присоединяйся к нам, если можешь.
Целую,
Арман
(6:50)*

Рейн-Мари посмотрела на часы, они показывали 7:12.

Она подошла к окну. Снег доходил до его середины, блокируя большую часть света и почти целиком – видимость. Но Рейн-Мари видела, что метель исчерпала себя и, уйдя, оставила позади, как и большинство серьезных снежных бурь, солнечный день.

Хотя, как знал любой добрый квебекец, это была иллюзия. Солнце сияло вполсилы.

– Господи боже! – вырвалось у Рейн-Мари, когда она оказалась в тепле бистро. – И почему только мы здесь живем?

Щеки у нее покраснелись, а глаза слезились, потому они не сразу приспособились к тусклому свету. Короткая прогулка до бистро сквозь сверкающую белизну чуть не ослепила ее. Злая зима намеревалась не только убить их, но сначала лишить зрения.

– Минус тридцать пять¹⁷, – гордо сказал Оливье, словно сам нес за это ответственность.

– Но влажность низкая, – сказал Габри. – И ветра нет.

Эти слова часто произносились в виде самоутешения, когда день стоял внешне такой привлекательный и такой жестокий.

– Я чувствую какой-то запах, – сказала Рейн-Мари, сняв пальто, шапочку и рукавицы.

– Это не я, – сказала Рут.

Но у Розы вид был сконфуженный. Хотя у уток нередко бывает такой вид.

– Я не могла понять, почему вы вышли на такой холод и пришли сюда, – сказала Рейн-Мари, идя туда, куда ее вел нос, – на запах, к столу и пустым тарелкам с размазанным по ним кленовым сиропом.

Арман пожал плечами на театральный галльский манер:

– Некоторые вещи стоят того, чтобы рискнуть жизнью и конечностями.

Оливье вышел из кухни с тарелкой теплых блинчиков с черникой, сосисками, кленовым сиропом и кофе с молоком.

– Мы оставили вам немного, – сказал Габри.

– Арман нас заставил, – пояснила Рут.

¹⁷ Около 37 градусов по Цельсию.

– Боже, боже... – Рейн-Мари села и обхватила кружку ладонями. – Mercí. – И тут ей в голову пришла одна мысль. – У вас есть электричество?

– Non. Генератор.

– И кофейный автомат подключен?

– И плита, и холодильник, – сказал Габри.

– Но не свет?

– Приоритеты, – сказал Оливье. – Вы жалуетесь?

– Mon Dieu¹⁸, нет, конечно, – ответила она.

Ее глаза остановились на Армане. Несмотря на все шутки, она знала, что ее муж не вывел бы старую женщину на такой холод, если бы для этого не имелось веских оснований.

– Ты пришел сюда с Рут не только для блинчиков.

– Oui, – кивнул он. – Рут знает, кто такая Берта Баумгартнер.

– Почему вы не сказали вчера вечером?

– Потому что только сегодня утром вспомнила. Но я не была уверена.

Рейн-Мари вскинула брови. Это было не похоже на Рут – не быть абсолютно уверенной в себе.

– Мне нужно было поговорить с Габри и Оливье, узнать, что они думают.

– И?..

– Вы когда-нибудь слышали про баронессу? – спросил Габри, садясь рядом с Рейн-Мари.

Это и в самом деле прозвучало туманно знакомым. Словно воспоминание о воспоминании, но таком отдаленном, что Рейн-Мари знала: сама она никогда не вспомнит.

И отрицательно покачала головой.

– Нас представили ей, когда мы здесь только появились, – сказал Оливье. – Много лет назад. Представила нас Тиммер Хадли.

– Та женщина, которой когда-то принадлежал старый дом Хадли, – сказала Рейн-Мари.

Она показала в сторону великолепного здания на холме, смотрящего на маленькую деревню. Дом, которым владела и в котором когда-то, более века назад, жила «богатая» семья, возвышался над бескрайней снежной пустыней.

– Я встречалась с баронессой в доме Тиммер, – сказала Рут.

– Она еще и к нам приезжала, – добавил Габри. – Когда мы открыли гостиницу.

– Регулярно? Как друг? – спросила Рейн-Мари.

– Как уборщица.

– Скорее, – сказала Мирна, таща Бенедикта за руку.

Люсьен шел впереди на несколько шагов, но Бенедикт остановился, и Мирне пришлось вернуться за ним.

Это напоминало бег назад в пылающее здание.

Кожа на ее лице так замерзла, что горела. Холод пробился даже сквозь варежки и кусал пальцы. Она прищурилась на обжигающие солнечные лучи.

Но Бенедикт, вместо того чтобы поспешить в бистро, как это сделал бы любой квебекец, остановился. Он стоял спиной к магазинам, его огромная красно-белая шапочка своим помпоном тащиась по земле, а он смотрел на три громадные сосны, нагруженные снегом, на коттеджи вокруг деревенской площади.

– Как красиво!

Его слова появились на свет в облачке тумана, как в диалоговом облачке комикса.

– Да-да, красиво, красиво, – сказала Мирна, таща его за руку. – А теперь поспешите, или я ударю вас туда, где будет больно.

¹⁸ Господи (*фр.*).

Приехали они во время метели, а потому Бенедикт впервые видел Три Сосны. Кольцо домов. Дымок из труб. Горы и леса.

Он стоял и смотрел – вид, который не менялся веками.

А тут его тащили прочь.

Через несколько минут к открытому огню принесли еще один столик, и теперь они наслаждались завтраком с кофе в бистро.

Клара увидела, что все бегут в бистро, и присоединилась к ним.

– Если на карнавал будет такая же холодища, то я с себя одежду не буду снимать, – сказала она, потирая руки.

– Что-что? – спросил Арман.

– Ничего, – ответил Габри. – Не берите в голову.

– О чем вы разговаривали, когда я вошла? – спросила Клара, принимая кружку кофе. – У вас всех был такой потрясенный вид.

– Рут вспомнила, кто такая Берта Баумгартнер, – сказала Арман.

– Кто?

– Ты помнишь баронессу? – спросил Габри.

– О да. Разве можно ее забыть?

Клара опустила вилку и вперилась в Рут.

Потом ее взгляд метнулся на окна. Но она не увидела солнца, бьющего по схваченным морозом стеклам. Не видела деревню под глубоким снегом и невероятно ясным голубым небом.

Она увидела пухлую пожилую женщину с маленькими глазками, широкой улыбкой и шваброй, которую держала, как держит флагшток исследователь Северного полюса, собирающийся водрузить флаг на макушке земли.

– Ее звали Берта Баумгартнер? – спросила Клара.

– Ну ты же не думаешь, что она была баронессой? – спросила Рут.

Клара нахмурилась. Она об этом даже не думала.

– Знаете, почему ее называли баронессой? – спросил Арман.

Они посмотрели на Рут.

– Откуда мне знать, черт побери? На меня она никогда не работала. – Она посмотрела на Мирну. – Ты – единственная уборщица, которая у меня была.

– Я не... – начала было Мирна, но потом сказала: – А чего волноваться-то?

– Тогда почему вы думаете, что эта Берта и баронесса – одно и то же лицо? – спросил Арман.

– Ты говорил, что ее дом – по дороге в Мансонвиль? – спросила Рут; он кивнул. – Старый фермерский дом у лощины?

– Oui.

– Я как-то раз подвозила баронессу – у нее тогда машина сломалась, давно это было, – сказала Рут. – Похоже, это то же самое место.

– И как он выглядел – дом? Вы не помните?

Рут, конечно, помнила все.

Каждую еду, каждую выпивку, каждый вид, каждое оскорбление, реальное, вымышленное или спровоцированное. Каждый комплимент. Каждое слово, сказанное или несказанное.

Она хранила все это и превращала те воспоминания в чувства, а чувства – в поэзию.

Я молилась, чтобы быть доброй и сильной,
За искупление грехов моих с детства
Груз первородный, за хлеб мой насущный

И моей неизбывной вины наследство¹⁹.

Арману не требовалось особо напрягаться, чтобы вспомнить, почему именно это стихотворение Рут, довольно темное по смыслу, пришло ему на память.

– Дом у нее был небольшой, развалюха. Но привлекательный, – сказала Рут. – В ящиках на окнах – анютины глазки, бочки с цветами по обе стороны ступенек крыльца. Там были всякие пикапы и фермерское оборудование во дворе, но такое железо есть на каждой старой ферме.

Когда Арман разгреб снег и подвыпрямил стены, он почти увидел это. Дом, такой, каким он был когда-то. В теплый летний день. С более молодой Рут и баронессой.

– В последнее время вы ее не видели? – спросил он.

– Много лет, – сказал Габри. – Она перестала работать, и мы потеряли с ней связь. Я не знал, что она умерла. А вы?

Клара отрицательно покачала головой и опустила глаза.

– Моя мать была уборщицей, – сказала Рейн-Мари, правильно истолковав то, что чувствует Клара. – Семьи, где она работала, становились для нее как родные. А когда она кончала работать, то теряла с ними связь. Наверняка многие из них умирали, а она понятия не имела.

Клара кивнула, благодарная за слова о том, что дело это двустороннее.

– Как вы думаете, не могла бы баронесса Баумгартнер написать Жюстену... – начал было Габри.

– Non.

– А какой она была? – спросил Арман.

– Сильная личность, – сказал Оливье. – Ей нравился собственный голос. Много говорила о своих детях.

– Два мальчика и девочка, – сказал Габри. – Лучшие дети на земле. Красивые, привлекательные. Умные и добрые. «Как их мать». Она часто это повторяла, а потом смеялась.

– А от нас она всегда ждала слов «Не смейтесь, это же правда», – сказал Оливье.

– И вы их говорили? – спросила Рейн-Мари.

– Если мы хотели, чтобы она убрала у нас в доме, то говорили, – ответил Габри.

Они описывали личность баронессы, и та возникала перед мысленным взором Клары. Почти всегда с улыбкой на лице. Иногда теплой и доброй. Часто с хитрецей. Но никогда со злобой.

Трудно было представить себе женщину, меньше похожую на баронессу.

И все же Клара помнила, как баронесса бралась за швабру или щетку. Работала до седьмого пота.

В этом было какое-то благородство.

Клара спрашивала себя, почему ей никогда не приходило в голову написать баронессу. Ее маленькие яркие глаза, одновременно добрые и требовательные. С хитрецей, но еще и вдумчивые. Ее траченные годами руки и лицо.

Оно у нее было примечательное, полное щедрости и желчи. Доброты и осуждения.

– Почему вы спрашиваете? – спросил Габри. – Это имеет значение?

– Не очень, – сказал Арман. – Просто дело в том, что ее завещание странновато.

– О-о-о, странновато, – сказал Габри. – Мне это нравится.

– Ты любишь гомосексов, – сказала Рут. – А странноватых ненавидишь.

– Это верно, – признал он. – Так что такого странноватого в завещании?

– Деньги, – сказал Бенедикт.

¹⁹ Рут здесь приписаны строки (цитировавшиеся и в других романах цикла) из стихотворения «Ожидание» канадской поэтессы Маргарет Этвуд.

– Деньги? – переспросил Оливье, подавшись вперед.

Люсьен рассказал им о наследстве.

Выразительное лицо Оливье становилось из ошеломленного удивленным, а потом снова ошеломленным.

– Пятнадцать миллионов? Долларов? – Он посмотрел на Габри, который тоже слушал разинув рот. – Нужно было с ней дружить.

– Oui, – сказал Люсьен, довольный такой реакцией. – И дом в Швейцарии.

– А другой в Вене, – сказала Мирна.

– Она всегда казалась немного чокнутой, – сказал Габри. – Должно быть, съехала с катушек.

– Нет. Мой отец никогда бы не позволил ей подписать завещание, если бы считал, что она не в своем уме.

– Да ладно уж, – сказала Рут. – Даже я вижу тут безумие. И дело не только в деньгах, но и в выборе трех человек, которых она даже не знала, исполнителями ее последней воли. Почему не одного из нас?

Арман посмотрел на Габри, Оливье, Рут и Клару.

Они знали эту женщину. И не знали ее.

Они знали баронессу. Не Берту Баумгартнер.

Уж не поэтому ли?

У него с Мирной нет никаких предвзятостей. Они видели ее как женщину, а не как уборщицу. И уж конечно, не как баронессу.

Но почему это имеет какое-то значение?

Может быть, все дело в профессиональном подходе. Он – полицейский, следовательно. Мирна – психолог. Она умеет заглядывать в голову людям. Они оба умеют это делать. Но опять же почему это имеет какое-то значение для выполнения завещания мадам Баумгартнер?

И как она вообще узнала про них, если они о ней не знали?

А как насчет?.. Арман посмотрел на Бенедикта. Его-то с какой стати назначила она душеприказчиком?

– Кто были свидетели? – спросил он, снова подаваясь вперед.

– Соседи, – сказал Люсьен. – Хотя с содержанием завещания их не знакомили.

Арман посмотрел на часы. Стрелка приближалась к половине девятого утра. Электричества пока так и не дали. Но «Гидрокребек» нередко вспоминал о Трех Соснах в последнюю очередь.

– Ты должен ехать? – спросила Рейн-Мари, вспомнив их разговор накануне вечером.

– Боюсь, что да.

– А что с нами? – спросил Люсьен.

– Я отвезу вас на ферму. Мы вместе откопаем ваши машины.

– Необходимо оповестить наследников, – сказал Люсьен. – Я постараюсь организовать что-нибудь сегодня на вечер. Смысла ждать не имеет.

– Меня устраивает, – сказал Бенедикт.

Арман кивнул:

– Дайте мне знать где и когда.

«Моей неизбывной вины наследство», – подумал он, направляясь к машине; его ботинки поскрипывали на утоптанном снегу.

Не это ли хранит в себе старый дом? Вину и грехи, присутствующие там с самого рождения?

Глава десятая

– Входите, входите, – сказала соседка. – Не стойте на холоде.

Она была молода – лет тридцати пяти, по прикидке Гамаша. Лишь чуточку старше, чем его собственная дочь Анни. И ей, вероятно, не следовало впускать в дом абсолютно незнакомых людей.

Но по тому, как она смотрела на него, открыв дверь, Гамаш подозревал, что не был таким уж абсолютным незнакомцем. И это подтвердилось минуту спустя, когда он снял перчатки, протянул ей руку и они вошли в тесную прихожую.

– Désolé²⁰, – сказал он. – Извините, что побеспокоили вас, особенно в такой день. Меня зовут Арман Гамаш. Я живу в Трех Соснах – это недалеко тут по дороге.

– Я знаю, кто вы. Меня зовут Патрисия Уль.

Она пожала его руку, потом посмотрела на Мирну:

– И вас я тоже знаю. У вас книжный магазин.

– Верно. Вы у меня были несколько раз. Научно-популярная литература. Книги по садоводству. Но еще и биографии.

– Да, это я.

Люсьен представился, потом взглянул на Бенедикта.

– Бенедикт Пулио, – сказал тот. – Строитель.

– Входите, погрейтесь.

Они последовали за ней в сердце дома – кухню, где испускала тепло большая печь.

В мадам Уль, как и в ее доме, не было ничего показного. Она, судя по всему, не испытывала ни малейшей потребности произвести впечатление, а потому и производила впечатление. Как и ее прочный, простой дом.

– У меня чайник готов. Хотите по чашечке?

– Я – нет, спасибо, – сказала Мирна.

Другие тоже отказались.

– Мы не отнимем у вас много времени, – сказал Арман. – У нас всего два-три вопроса.

– Слушаю, – сказала Патрисия.

– Вы знали женщину, которая жила с вами по соседству? – спросила Мирна.

– Баронессу? Да, конечно, хотя и шапочно. А что?

Она отметила, что ее неожиданные гости переглянулись, но не могла знать важности того, что только что сказала. Патрисия Уль только что подтвердила правоту Рут. Берта Баумгартнер была баронессой.

– Нет, ничего, – сказала Мирна. – Продолжайте.

– Это потому, что я назвала ее баронессой? – спросила Патрисия, переводя взгляд с одного гостя на другого. – Это у нас было такое прозвище для нее. Поверьте мне, сами бы мы никогда такое не выбрали. Она сама так себя называла.

– А давно вы ее знаете? – спросил Люсьен.

– Несколько лет. Что-то случилось? – Она посмотрела на Армана. – Вы здесь не в официальном качестве?

– Не в том смысле официальном, в каком вы подумали, – сказал он. – Мы ее душеприказчики.

– Она умерла?

– Да. Перед Рождеством, – сказал Люсьен.

²⁰ Прошу прощения (фр.).

– А я и не знала, – сказала Патрисия. – Мне известно, что она несколько лет как переехала в дом престарелых, но и не подозревала, что она ушла. Жаль. Я бы пришла на похороны.

– И вы были свидетелем подписания завещания? – спросил Арман. Когда она кивнула, он продолжил: – Она вам показалась человеком в своем уме и здравой памяти?

– О да, – сказала Патрисия. – Абсолютно в своем уме. Притом что она была немного странной. Она настаивала, чтобы ее называли баронессой, но у нас всех есть свои странности.

– Могу поспорить, что догадываюсь о вашей, – сказала Мирна.

– Наверняка, – ответила Патрисия.

– Вам нравятся ядовитые растения. Вероятно, у вас есть для них особая клумба.

– Верно, – рассмеялась Патрисия.

– Как вы узнали? – спросил Бенедикт.

– По книгам, которые покупала Патрисия, – ответила Мирна. – Одну я запомнила: «Ядовитый сад». Другая была... – Мирна напрягла память.

– «Смертельно опасные садовые растения», – сказала Патрисия. Она посмотрела на Армана и наклонила голову. – Неплохая улика, правда?

Тот улыбнулся.

– Так я познакомилась с баронессой и так узнала о ядовитых садах. У нее самой был такой. Она провела меня по нему и рассказала, что наперстянка – это дигиталис. Смертельно опасная. Еще у нее рос аконит, и ландыш, и гортензия. Все они токсичны. Как и другие многолетники, конечно. Но, как это ни странно, ядовитые из всех самые красивые.

Мирна кивнула. Она была страстным садоводом, хотя ей никогда не приходило в голову отдать целую клумбу под растения, способные убивать. Но многие люди интересовались этим, а потому издательства печатали книги про ядовитые растения. И Патрисия Уль была права. Опасные цветы были и самыми красивыми. И, как это ни странно, самыми долговечными.

– И есть такие цветы, которые и в самом деле могут убить? – спросил Бенедикт.

– Предположительно, – сказала Патрисия, – хотя я не знаю, как получать из них яд. Наверно, нужно иметь степень по химии.

– И желание, – сказал Гамаш.

Голос его звучал приятно, но глаза внимательно разглядывали Патрисию Уль, и он скорректировал свое прежнее впечатление. Она излучала ауру не только уверенности, но и компетентности.

Он обратил внимание на ее машину на улице, полностью откопанную. Снег вокруг нее был расчищен лопатой, оставившей четкие, прямые линии.

Любую работу она делала хорошо и тщательно.

Гамаш подозревал: если бы ей потребовалось, она бы сообразила, как экстрагировать яд из нарцисса.

Поблагодарив мадам Уль за помощь и гостеприимство, они оставили ее дом и направились к соседнему.

Дом Берты Баумгартнер, казалось, наклонился еще больше под грузом выпавшего снега. Было бы ошибкой подходить к нему близко, и Гамаш сделал себе заметку на память: позвонить в местный муниципалитет, чтобы обнесли дом предупредительной лентой. И как можно скорее пригнали сюда бульдозер.

Они откопали машины Мирны и Люсьена, но когда очистили пикап молодого человека, Арман не пустил его за руль.

– Вы не можете ехать на летних покрышках.

– Но мне нужно. Ничего не случится.

Гамаш знал, что такие слова были последними в жизни немало числа молодых людей.

– Да, ничего не случится, – сказал он. – Потому что вы никуда не поедете.

– А если я все же поеду? – сказал Бенедикт. – Что вы сделаете? Вызовете полицию?

– Месье Гамашу не нужно вызывать полицию, – сказал Люсьен, но, увидев, что Бенедикт никак на это не отреагировал, добавил: – Вы и в самом деле не знаете, кто он?

Бенедикт отрицательно покачал головой.

– Я глава Sûreté du Québec, – сказал Арман.

– Старший суперинтендант Гамаш, – сказал Люсьен.

Бенедикт произнес или «О черт», или «Черт-те что». Как бы то ни было, черт в его словах присутствовал.

– Правда?

Гамаш кивнул:

– C'est la vérité²¹.

Бенедикт повернулся к своей машине и пробормотал что-то вроде «Вот удача долбаная».

Гамаш ухмыльнулся. Ему один раз тоже улыбнулась такая удача, когда он был в возрасте Бенедикта. Много времени прошло, прежде чем он понял, что это и в самом деле было везение.

– Полагаю, у меня нет выбора, – сказал Бенедикт.

– Вон. Когда телефон заработает, вызовите «Помощь на дорогах», пусть они доставят вас в салон, а там купите приличные покрышки. Не какую-нибудь дешевку. D'accord?²²

– Ясно, – пробормотал Бенедикт, обращаясь к снегу на своих ботинках.

– Все в порядке, – тихо сказал Гамаш. – Мы заплатим за покрышки.

– Я все верну.

– Преподайте мне урок езды по снегу, о котором вы говорили. И будем квиты.

– Merci.

– Прекрасно. – Гамаш обратился к Люсьену: – Дайте мне знать о времени встречи с детьми мадам Баумгартнер.

– Непременно, – сказал Люсьен.

И Мирна, которая повезла Бенедикта назад в Три Сосны, окинула взглядом двор с плотным слоем снега. И подумала о ядовитых растениях внизу. Замерзших, но не мертвых. Просто ждущих.

Впрочем, Мирна понимала: угроза исходила не от ядовитых цветов. Не от тех, которые ты видишь. О которых знаешь. К тому же эти цветы по крайней мере были красивы.

Нет. Настоящая опасность в саду исходила от вьюнка. Он сначала рос под поверхностью земли, потом вылезал наружу и подавлял всех остальных. Душил одно здоровое растение за другим. Убивал их все, убивал медленно. И делал это без всяких видимых оснований, если не считать его природу.

А потом снова исчезал под землей.

Да, истинная опасность исходила от того, что оставалось невидимым.

²¹ Это правда (фр.).

²² Договорились (фр.).

Глава одиннадцатая

– Так в чем проблема?

– С чего ты решила, что есть проблема? – спросил Арман.

– Вы не едите ваш... эклер.

Все слова она произносила тщательно, хотя звучали они все еще приглушенно, словно обернутые в избыток осторожности и ватную подкладку.

И ее движения, когда она поднесла ко рту печенье, тоже были взвешенные. Нарочитые. Точные. Медленные.

Гамаш приезжал к Лакост в ее дом в Монреале не реже раза в неделю. Когда стояла хорошая погода, они отправлялись на короткую прогулку, но по большей части, как сегодня, они сидели на ее кухне и разговаривали. У него вошло в привычку обсуждать с ней текущие события. Вводить ее в курс дел. Спрашивать ее мнения и советов.

Она была одним из его старших офицеров.

Он смотрел на нее теперь, как смотрел и всегда, в поисках каких-либо признаков улучшения. Реальные подвижки были лучше всего, но он был готов принять и вымышленные. Ему показалось, что дрожь в ее руках стала меньше. Речь яснее. Словарь богаче.

Да. Без сомнения. Может быть.

– Это внутреннее расследование? – спросила она, откусив кусочек наполеона, принесенного Арманом из пекарни Сары; он знал: наполеон – ее любимое пирожное.

– Нет. Оно почти закончено.

– И все же они совсем не спешат. В чем проблема?

– Мы оба знаем проблему, – сказал он.

– Да. Наркотики. Больше ничего не обнаружилось?

Она разглядывала его в поисках признаков улучшения. Оснований для надежды, что этот морок скоро кончится.

Вид у шефа был расслабленный. Уверенный. Но с другой стороны, он всегда так выглядел.

Изабель нахмурилась.

– Я тебя утомляю, – сказал он и начал вставать. – Извини.

– Нет-нет, пожалуйста. – Она помахала рукой, давая ему знак сесть. – Мне нужно... стимулирование. Дети в школу не пошли из-за метели, и вот они решили, что я должна научиться считать... до ста. Мы занимались этим все утро, а потом я их выгнала. Я пыталась объяснить, что считать я умею. Давно уже могу... несколько месяцев, но они продолжали настаивать. – Она заглянула в глаза Армана. – Помогите мне.

Сказано это было с комически нелепым ударением, намеренно преувеличенным. И все же ее слова разбили его сердце.

– Я шучу, patron, – сказала она, скорее почувствовав, чем увидев его печаль. – Еще кофе?

– Будь добра.

Он пошел за ней к столу. Она двигалась медленно. С остановками. Нарочито. И гораздо лучше, чем кто-либо, включая и ее докторов, осмеливался надеяться.

Сын и дочь Изабель были на улице – строили снежные крепости с соседскими ребятами. Арман и Изабель слышали за окнами визги, когда одна армия атаковала тех, кто засел в крепости.

Они играли в ту же игру, в какую в детстве играл Арман. В какую двадцать лет спустя играла сама Изабель. Игра в доминирование и войну.

– Будем надеяться, они никогда не узнают... что это такое на самом деле, – сказала Изабель, стоя у окна рядом со своим боссом и наставником.

Он кивнул.

Взрывы. Хаос. Едкий запах пороха. Ослепляющая пыль камня, цемента и кирпича. Удушающий воздух.

Крики. Удушающий воздух.

Боль.

Гамаш крепче вцепился в стол, когда воспоминания нахлынули на него. Понесли. Подбросили, закрутили. Швырнули на дно.

– У вас рука все еще дрожит? – тихо спросила она.

Он взял себя в руки, кивнул:

– Иногда. Когда устаю или в особо напряженных ситуациях. Но уже не так, как прежде.

– А хромота?

– И опять главным образом когда я устаю. Я этого почти не замечаю.

Это же случилось годы назад. В отличие от ран Изабель, которые насчитывали всего несколько месяцев. Он недоумевал. Ему казалось, это произошло сто лет назад и вчера.

– Вы думаете об этом? – спросила она.

– О том, что случилось, когда тебя ранили?

Арман посмотрел на нее. Ее лицо, такое знакомое, – сколько раз он видел его, стоя на коленях перед трупом между ними. Столько раз в кабинете, за столом для совещаний. В стольких наспех созданных оперативных штабах в подвалах и сараях, в хижинах по всему Квебеку. Когда они расследовали убийства. Изабель. Жан Ги. Сам он.

Изабель Лакост пришла к нему молодым агентом, ей тогда не исполнилось и двадцати пяти. Собственный отдел отверг ее за то, что она не проявляла достаточной жестокости, достаточного цинизма, достаточной уступчивости, чтобы знать, где правда, но поступать против нее.

Он тогда служил главой самого престижного в Sûreté du Québec отдела по расследованию убийств и предложил ей работу. К удивлению ее прежних коллег.

И Изабель Лакост выросла из рядовых агентов, в конечном счете приняла отдел от Гамаша, когда он стал главой академии, а потом и всей Квебекской полиции. Как сейчас.

Вроде бы.

Она, конечно, постарела. Быстрее, чем должна бы, могла бы, если бы он не взял ее к себе. Если бы он не сделал ее старшим инспектором. Если бы не случилось последней схватки с наркокартелями. Всего несколько месяцев назад.

– Да, думаю, – сказал он.

Изабель упала, сраженная выстрелом в голову. То, что казалось ее последним рывком, дало им шанс. Фактически спасло всех их. И все же кошмар случился страшный.

Он помнил это, самые последние действия. Но еще он помнил, не менее живо, все рейды, атаки, аресты. Расследования за многие годы. Жертв.

Все эти невидящие, уставившиеся в никуда глаза. Мужчин, женщин, детей, чье убийство они расследовали. За долгие годы. Чьих убийц он загонял в угол.

Помнил всех агентов, которых он отправлял, а часто и вел в пороховой дым.

И он помнил свою поднятую руку, готовую постучать в дверь. Стук старухи с косой. Стучал, а потом сам совершал убийство. Не физическое, но Арман Гамаш был в достаточной степени реалистом и понимал: то, что он делал, было убийством. Они навсегда оставались с ним – лица отцов, матерей, жен и мужей. Вопрошающие. Любопытствующие. Они вежливо открывали дверь, смотрели на незнакомца.

А после того как он произносил роковые слова, их лица менялись. И он видел, как на его глазах рушился их мир. Погребал их под грудой обломков. Согнутые горем, многие из них после этого никогда не разгибались. А те, кому это удавалось, смотрели на мир навсегда изменившимся взглядом.

Личности, которыми они были до прихода Гамаша, исчезали навсегда. Умирали.

Да. Арман помнил.

– Но я стараюсь не задерживаться на этом надолго, – сказал он Изабель.

Или, хуже того, он задерживался. Переживал заново трагедии, боль. Страдания. Обосновывался в аду. Но уйти было нелегко. Оставить его агентов, мужчин и женщин, которые погибли потому, что исполняли его приказ. Следовали за ним. Он давно чувствовал, что в долгу перед ними, а потому не должен покидать это место печали. Его долг – оставаться с ними.

Друзья и врачи Гамаша помогали ему понять, что он оказывает им плохую услугу. Их жизни не могли определяться их смертями. Они принадлежали не вечной боли, но красоте своих коротких жизней.

Его неспособность двигаться дальше навсегда замораживала их в последних страшных мгновениях смерти.

Арман наблюдал, как Изабель осторожно ставит кружку на кухонный стол. Когда до поверхности оставался дюйм, ее пальцы ослабли, и кофе пролился. Немного. Но он все же видел ее ярость. Разочарование. Смущение.

Он предложил ей свой платок, чтобы она промокнула влагу.

– Merci. – Она схватила его платок, вытерла стол; он протянул руку, чтобы забрать его, но она оставила себе.

– Я его в-в-выстираю и верну вам, – отрезала она.

– Изабель... – сказал он спокойным, но твердым голосом. – Посмотри на меня.

Она оторвала глаза от платка, испачканного кофе, посмотрела ему в глаза.

– Я тоже все это ненавижу.

– Что?

– Мое тело. Ненавижу за то, что оно подводит меня. Что допустило то, что случилось. – Он провел пальцем по шраму на виске. – За то, что не двигалось достаточно быстро. Не предвидело такого развития событий. За то, что упало и не могло встать, чтобы защитить моих агентов. Я ненавижу его за долгое выздоровление. Ненавижу, когда спотыкался. Когда Рейн-Мари держала меня за руку, чтобы я не упал. Я видел, как люди сочувственно пялятся на меня, когда я хромал или не мог подыскать нужного слова.

Изабель кивнула.

– Я хотел вернуть мое старое тело, – сказал Арман. – Сильное и здоровое.

– Пржнее, – сказала она.

– Пржнее, – кивнул он.

Они сидели в тишине, если не считать далекий смех детей.

– То же самое чувствую и я, – сказала она. – Я ненавижу... мое тело. Ненавижу, что не могу взять моих детей и поиграть с ними, а если я сажусь с ними на пол, то им приходится помогать мне подняться. Ненавижу это. Ненавижу, что не могу... читать им перед сном и так быстро устаю, теряю ход мысли. Ненавижу, что иногда я не могу складывать. Иногда не могу... вычитать. А случаются дни...

Изабель помолчала, собралась. Она заглянула в его глаза.

– Я забываю их имена, patron, – прошептала Изабель. – Моих собственных детей.

Бесполезно говорить ей, что он понимает. Что это в порядке вещей. Она заслужила право на трудные ответы.

– А что ты любишь, Изабель?

– Pardon?

Гамаш закрыл глаза и поднял лицо к потолку:

– «Вот что я любил: фарфоровую гладь тарелки, / Слой тонкий пыли на столе, каемки синий блеск по кромке, / И влагу крыш под фонарем, и хлеба лакомую корку».

Он открыл глаза, посмотрел на Изабель и улыбнулся; у глаз и губ на его усталом лице образовались глубокие морщины.

– Там есть и дальше, но я не буду продолжать. Это стихотворение Руперта Брука. Он был солдатом Первой мировой. Стихи помогали ему в аду окопов вспоминать вещи, которые он любил. Они и мне помогают. Я составил список в уме: в нем вещи, которые я люблю, люди, которых я люблю. Это возвращает меня к здравомыслию. До сих пор.

Арман видел, что она задумалась.

То, что он предлагал, не было магическим средством, помогающим при пулевом ранении головы. Ей предстоял огромный объем работы, боли, физической и эмоциональной. Но этим вполне можно было заниматься и при солнечном свете.

– Я сильнее, здоровее, чем тот человек, которым я был прежде, до всего этого, – сказал Гамаш. – Физически. Эмоционально. Потому что это было моим долгом. И тебя ждет то же самое.

– Вещи прочнее всего, когда сломаны, – сказала Лакост. – Слова агента Морена.

Вещи прочнее всего, когда сломаны.

Арман снова услышал голос Поля Морена. Он словно стоял вместе с ними на залитой солнцем кухне Изабель.

И агент Морен был прав. Но как сильна боль излечения.

– Мне в некотором роде повезло, – сказала Изабель несколько секунд спустя. – Я не помню ничего про тот день. Ничего. Я думаю, это помогает.

– Я тоже так думаю.

– Мои дети все время хотят почитать мне... Пиноккио. Якобы это как-то связано с тем, что случилось, но черт побери, если я хоть что-то понимаю. Пиноккио, patron?

– Иногда выстрел в голову – как благословение.

Она рассмеялась:

– Как вы это делаете?

– Памятью?

– Забудьте.

Он глубоко вздохнул, посмотрел на свои ботинки, потом поднял голову, заглянул ей в глаза.

– Когда-то у меня был наставник... – сказал он.

– Господи Иисусе, не тот, который обучал вас поэзии? – сказала она в шутливой панике.

На его лице застыло такое «поэтическое» выражение.

– Нет, но если ты хочешь... – Он откашлялся. – «Крушение „Гесперуса“»²³, – объявил он и открыл рот, словно собираясь читать это длиннющее стихотворение. Но вместо этого он улыбнулся, увидев, что Изабель светится от удовольствия. – Я хотел сказать, что у моего наставника была теория, согласно которой наши жизни напоминают общие дома аборигенов. Одна огромная комната. – Он распростер руку, иллюстрируя размер. – Он сказал, что если мы считаем, что можем поделить мир на отсеки, то мы заблуждаемся. Все, с кем мы встречаемся, каждое слово, которое мы говорим, каждое действие, которое предпринимаем или не предпринимаем, – все это обитает в общем доме. С нами. Всегда. И никогда его не изгнать и не запереть.

– Довольно пугающая мысль, – сказала Изабель.

– Absolument. Мой наставник, мой первый старший инспектор, говорил мне: «Арман, если ты не хочешь, чтобы в твоём общем доме пахло говном, ты должен делать две вещи...»

– Не впускать в него Рут Зардо? – спросила Изабель.

Арман рассмеялся:

– Слишком поздно. Для нас обоих.

²³ Названное стихотворение принадлежит перу американского поэта Генри Лонгфелло.

В одно мгновение он вернулся туда. Бегом к «скорой помощи». Изабель на каталке, без сознания. Костлявая рука старой поэтессы держит Изабель за руку. Голос ее звучит твердо, когда она шепчет Изабель то единственное, что имеет значение.

Что ее любят.

Изабель не будет об этом знать, а Гамаш никогда этого не забудет.

– Non, – сказал он. – Когда впускаешь кого-то в свою жизнь, будь очень, очень осторожна. И научись примиряться с тем, что случается. Ты не можешь стереть прошлое. Оно навсегда с тобой в твоей голове. Но примириться с ним ты можешь. Если ты этого не сделаешь, – сказал он, – то будешь вести бесконечную войну с самой собой. – Арман улыбнулся своему воспоминанию. – Думаю, он понимал, с каким идиотом имеет дело. Он видел, я собирался поведать ему мою собственную теорию жизни. В двадцать три года. Он показал мне на дверь. Но когда я уходил, добавил: «И враг, с которым ты будешь сражаться, – это ты сам».

Гамаш не вспоминал о том разговоре много лет. Но думал о своей жизни начиная с того момента как об общем доме.

И вот в нем он, оглядываясь теперь назад, видел всех молодых агентов, всех мужчин и женщин, мальчиков и девочек, на чьи жизни он повлиял.

Видел он, стоя там, и тех людей, которые приносили ему страдания. Серьезные страдания. Которые чуть не убивали его.

Все они жили там.

И он никогда не сможет подружиться со многими своими воспоминаниями, этими призраками, с которыми он изо всех сил старался примириться. С тем, что он сделал с ними, и с тем, что они сделали ему.

– А опиоиды, шеф, они там? В вашем общем доме?

Ее вопрос резко перебросил его в ее комфортабельный дом.

– Вы их нашли?

– Нет, не все. Последняя партия здесь, в Монреале, исчезла, – признал он.

– Сколько?

– Достаточно, чтобы изготовить сотни тысяч доз.

Она молчала. Не говорила того, что он знал лучше кого бы то ни было.

Каждая из этих доз могла убить.

– Merde, – прошептала она, но тут же извинилась перед ним. – Désolé.

Изабель редко произносила бранные слова и почти никогда – в присутствии шефа. Но на сей раз они вырвались у нее на волне сильных чувств.

– И это еще не все, – сказала она, разглядывая человека, которого знала так хорошо. Лучше, чем собственного отца. – Вас беспокоит что-то еще.

«Давит на него» было точнее сказать, но ей не хотелось произносить это слово.

– Oui. Академия.

– Академия Sûreté.

– Да. Там возникла одна проблема. Они хотят отчислить одного из кадетов.

– Такое случается, – сказала Изабель. – Прошу прощения, шеф, но почему вас это беспокоит?

– Ту, по поводу которой мне звонил командер и кого он собирается отчислить, зовут Амелия Шоке.

Изабель Лакост откинулась на спинку стула, внимательно посмотрела на Армана:

– И что? Почему он звонит вам по такому делу? Вы больше не глава академии.

– Верно.

И она увидела, что это не только давит на Гамаша, но и грозит его сокрушить.

– Что такое, шеф?

– У нее нашли опиоиды.

– Черт! – На сей раз она не стала извиняться. – Сколько?

– Кажется, больше, чем требуется для личного потребления.

– Она занимается сбытом наркотиков? В академии?

– Выходит, так.

И теперь Изабель погрузилась в молчание. Она впитывала услышанное. Размышляла.

Арман не торопил ее.

– Из вашей поставки? – спросила Изабель.

Она не хотела приписывать ему право собственности – так у нее вырвалось. И они оба знали, что он владел правом собственности. Если не на наркотики, то на ситуацию.

– Анализа еще не делали, но это вполне вероятно. – Он посмотрел на свои стиснутые руки. – Я должен принять решение.

– По поводу кадета Шоке?

– Oui. И, откровенно говоря, я не знаю, что делать.

Она всем сердцем хотела бы помочь ему.

– Мне жаль, шеф, но это дело определено в компетенции командера. Не вас.

Лакост смотрела на старшего суперинтенданта Гамаша и не могла понять, что у него на уме. Он, казалось, просит о помощи, но в то же время что-то утаивает от нее.

– Вы мне не все говорите.

– Позволь мне спросить у тебя вот что, Изабель, – сказал он, игнорируя ее слова. – Что бы сделала ты на моем месте?

– И у кадета обнаружили бы наркотики? Я бы оставила решать командеру академии. Это не ваше дело, шеф.

– Нет, Изабель, мое. Если у нее оказались *мои* опиоиды, как ты сказала.

– Откуда у нее эти наркотики? – спросила Изабель. – Она вам сказала?

– Командер еще с ней не разговаривал. Насколько ему известно, кадет Шоке даже не понимает, что у нее найдены наркотики. Я сейчас еду туда. Если он ее отчислит, она погибнет. В этом я уверен.

Лакост кивнула. Она тоже это знала. Большинство не знало только, ради чего Гамаш вообще принял Амелию Шоке в академию. Почему этой неуравновешенной молодой женщине, имевшей за плечами наркотики и проституцию, предоставили возжеленное местечко в школе Sûreté.

Но Изабель знала. Или думала, что знает.

По той же причине он вмешался и в ее карьеру и предоставил ей работу.

Он вмешался и вытащил наверх Жана Ги за минуту до того, как его самого уволили.

По той же самой причине старший суперинтенданта Гамаш собирался убедить нынешнего командера оставить кадета Шоке в академии.

Командер был человеком, который искренне верил во второй шанс.

Вот только для Амелии Шоке это был не второй шанс. Уже третий.

А третий, на взгляд Лакост, был на один больше допустимого.

Вторые шансы предоставлялись из милосердия, а третьи от глупости. И возможно, еще от чего-то похуже.

Это было – или могло быть – чревато прямой опасностью: верить, что человек способен на искупление, тогда как он доказал: нет, не способен. Амелию Шоке поймали не на мошенничестве во время экзамена, не на похищении какой-нибудь безделушки у однокашника. Ее поймали с наркотиком, таким мощным, таким опасным, что он фактически убивал каждого, кто его принимал. Амелия Шоке знала это. Знала, что торгует смертью.

Старший инспектор Лакост смотрела на уверенного человека перед ней, который верил, что спасти можно любого. Что он может их спасти.

Эта его черта была одновременно и необходимым свойством, и ахиллесовой пятой. И мало кто знал лучше, чем Изабель, что это значит. Некоторые случаи наделали немало шума. Другие проходили незаметно. Но из ахиллесовой пяты никогда ничего хорошего не выходило.

Изабель заметила, что правая рука Гамаша не дрожит. Но сжата в кулак.

Глава двенадцатая

– Садитесь.

Коммандер Академии Sûreté не стоял, когда кадет Шоке вошла в его кабинет, как не стоял и старший суперинтендант Гамаш.

Амелия подождала у дверей, как всегда дерзкая, потом прошла по комнате и уселась на указанный ей стул, плотно сложила руки на груди. Уставилась прямо перед собой.

Выглядела она точно такой, какой ее помнил Гамаш.

Черные как смоль и торчащие в разные стороны волосы. Хотя, возможно, не столь воинственные по стрижке. Он подозревал, что она, скорее, не смягчается, а просто взрослеет. А может, Арман просто привыкал к ее виду.

Кадет Шоке училась сейчас на последнем курсе. До выпуска оставались считанные месяцы.

Она при своем невысоком росте была сильной. Не по сложению, а по силе духа. И излучала агрессию.

«Пошли вы все в жопу».

Эти слова, хотя и не произнесенные, создавали вокруг нее некую щетинистую ауру.

Были времена – Гамаш тогда только-только с ней познакомился, – когда она произносила эти слова. Прямо ему в лицо. Как и всем другим. А теперь она просто думала их. Но внутренние силы этой маленькой женщины были настолько велики, что казалось, она их выкрикивает.

«И все же, – подумал Гамаш, – какой-то прогресс есть».

Она один раз коротко кивнула ему.

«Пошел в жопу».

Он не ответил. Только смотрел на нее.

Пирсинг оставался на своем месте. В брови, носу и щеке. Вдоль ушных хрящей.

И?.. Да, вот оно.

Щелк-щелк-щелк – это она постукивала кончиком языка со штырьком пирсинга по зубам.

В покере это сочли бы подсказкой.

Щелк-щелк-щелк. Подсознательная азбука Морзе Амелии.

Когда-нибудь он, может, скажет ей о ее симптоме. Но не сегодня. Сегодня он служил на пользу дела. И это было в его пользу.

Щелк-щелк-щелк.

SOS.

«Чистые простыни, – подумал Гамаш. – Запах дымка. Голова Анри на моих тапочках».

Он перебирал свой собственный код. Что-то вроде четок.

Слоеные круассаны.

– Вы знаете, почему вы здесь? – спросил кадета коммандер.

Перед тем как покинуть академию (Гамаша переводили старшим суперинтендантом в Sûreté), Арман долго разговаривал со своим преемником о кадетам. Он тогда высказал желание позволить кадетам быть личностями. А Амелия Шоке явно была личностью. И даже больше.

– Нет, я не знаю, почему вы хотели меня увидеть. – Пауза. – Сэр.

Коммандер взял конверт со своего стола, вытащил из него пакетик:

– Узнаете?

– Нет.

Ответ прозвучал почти мгновенно – ей некогда было удивиться. Она точно знала, почему ее вызвали. И точно знала, какво содержимое пластикового пакетика.

Гамаш достаточно хорошо знал Амелию: она подготовилась к этой встрече. Пожалуй, слишком хорошо подготовилась. Не демонстрировала природное свое любопытство (даже удивление) невинной овечки.

Вместо этого Амелия давала отрепетированные ответы, говорящие о ее вине.

Арман посмотрел на командера – подметил ли он те же симптомы, и увидел: да, подметил.

Гамаш почувствовал, как быстрее забилося его сердце. Увидел, что приближается точка невозврата. Он принял решение: знал теперь, что должен делать, хотя в сердце его оставались сомнения. Но было понятно: он должен довести задуманное до конца.

Дыхание Амелии Шоке изменилось. Стало более коротким, более частым.

Женщина тоже видела точку невозврата. Вот она. На горизонте. Приближается. Быстро.

Щелчки прекратились. Она была настороже. Животное, которое, пожив с более мелкими существами, вдруг обнаружило мир гигантов. Выяснило вдруг, что оно мельче, чем думало. Более уязвимо, чем полагало. Больше подвергается опасностям, чем оно считало возможным. Существо, ищущее выхода, а находящее только обрыв.

– Это лежало в вашей комнате, под вашим матрасом, – сказал командер.

– Вы обыскивали мою комнату?

Она говорила с негодованием, и Гамаш чуть ли не восхищался ее реакцией.

Почти.

– Это не какая-то безобидная вещь, правильно, кадет Шоке? – Командер опустил пакетик на стол. – Это наркотик. Количество, достаточное для продажи.

– Это не мое. Я понятия не имею, откуда оно взялось. Да и как мне могла в голову прийти такая глупость – приносить эту чуму в академию. Я бы нашла место получше. Может, в чьей-нибудь комнате.

– Вы хотите сказать, что кто-то подложил вам наркотик? – спросил Гамаш.

Она пожала плечами.

– Намеренно? – настаивал он. – Кто-то пытался подставить вас? Или просто тоже не хотел держать у себя в комнате?

– Это уж вы сами решайте. Я знаю одно: это не мое.

– С пакетика сняли отпечатки пальцев...

– Умно.

Командер уставился на нее. Гамаш знал, что у Амелии есть способность забираться в кишки других, хотя зачем ей туда хотелось – один бог знает.

– ...и скоро у нас будут результаты. Где вы это взяли?

– Это. Не. Мое.

Пощелкивание возобновилось. Теперь оно звучало как «так-так-так» и имело целью вызвать раздражение.

Гамаш видел, что командер борется с желанием броситься через стол и вцепиться в ее горло.

И кадет Шоке не делала ничего, чтобы спасти себя. Напротив. Она дразнила их. Самостоятельная, нахальная, почти наверняка лицемерная, она просто настаивала на своей виновности. И хуже.

Невиновный кадет в случае обнаружения у него опаснейшего наркотика заявлял бы о своей невиновности и пытался сотрудничать, чтобы найти виноватого.

Виновный кадет почти наверняка по крайней мере делал бы вид, что занимается тем же.

Ничего этого она не делала.

Из уязвимого существа, загнанного и испуганного, она превратилась в агрессора, отбреживающегося нелепой и очевидной ложью.

Амелия Шоке была старшим кадетом. Она выросла в естественного лидера, а не в громилу, как опасался Гамаш.

Она соображала быстро, была настороже. Стала человеком, которому другие пытались инстинктивно подражать.

А оттого кадет Шоке, как продавец наркотиков, становилась еще опаснее. Что с ее бэкграундом не было таким уж невероятным.

Подавшись к ней поближе, он увидел татуировки на ее запястьях и предплечьях: рукава своей формы она закатала до локтей. Потом его пронизательный взгляд переместился на ее лицо, и он увидел что-то еще. Что-то такое, что могло объяснить ее необдуманные действия, саморазрушительное, переменчивое поведение во время этого разговора.

Реагировала она бурно. Непредсказуемо. Как наркоманка.

Уж не?..

Его глаза чуть расширились.

– Вы глупая, глупая женщина. – Он не говорил, а практически рычал. Потом обратился к командеру: – Нужно сделать ей анализ крови. Она под кайфом.

– Идите в жопу.

Он смерил ее уничижительным взглядом:

– Когда вы принимали эту дрянь в последний раз?

– Я ничего не принимала.

– Посмотрите на нее, – сказал Гамаш командеру, после чего обратился к Амелии: – У вас зрачки расширены. Вы думаете, мне непонятно, что это означает? Общайте ее комнату еще раз, – сказал он.

Командер нажал кнопку.

– Я хочу покончить с этим прямо сейчас, – сказал Гамаш, снова обращаясь к Амелии.

– Не смейте! Я прошла слишком большой путь. Мы уже близко к концу. Я могу.

– Не можете. Вы все изгадили. Вы себя изгадили. Вы зашли слишком далеко.

– Нет-нет! Это глазные капли. Всего лишь капли. – Она чуть ли не умоляла. – Это только впечатление такое, будто я накачалась. Но я не накачалась.

– Скажите агентам, которые будут обыскивать ее комнату, – пусть поищут глазные капли, – сказал Гамаш, которому хотелось, чуть ли не отчаянно хотелось поверить ей. Пове- рить, что сама она не принимала наркотиков.

– Они ничего не найдут, – сказала Амелия. – Я их выбросила.

Наступило молчание, Гамаш вглядывался в ее расширившиеся зрачки.

Видя выражение на лице Армана, она отвернулась от него и заговорила с командером:

– Если вы считаете, что я стала бы торговать этой чумой, то вы гораздо хуже понимаете людей, чем я думала.

– Наркотики меняют людей, – сказал командер. – Наркомания меняет людей. И я думаю, вам это известно.

– Я много лет ничего не принимала, – сказала она. – Я не под кайфом. Ради бога, зачем бы я стала поступать в полицию, если бы оставалась наркоманкой?

Гамаш начал смеяться:

– Вы шутите, да? У вас есть пистолет и доступ к любому количеству наркотиков. Большинству грязных агентов, по крайней мере, хватает здравого смысла сначала окончить академию, прежде чем стать оборотнями. Правда, большинство не приходит сюда наркоманами.

– Я никогда не была наркоманкой, и вы это знаете! – Она почти визжала. – Да, я пользовалась наркотиками. Но никогда не была наркоманкой. Я бросила. Вовремя.

Ее собственные слова, казалось, оглушили ее, потому что она вспомнила, как и почему она бросила. Вовремя.

Благодаря этому человеку. Который дал ей здесь дом. Смысл и цель. Шанс.

– Я не торгую наркотиками, – сказала она. Голос ее звучал спокойнее. – Я не пользуюсь. Гамаш посмотрел на нее пронизательным взглядом. От этого зависело многое.

Принимая ее в академию, он знал: если она победит себя, то у нее будут все основания стать выдающимся офицером Sûreté. Уличная девчонка, наркоманка, ставшая копом.

Это давало ей огромное преимущество. Она знала вещи, которые никогда не откроются другим агентам. Знала не своим разумом, но изнутри. У нее имелись контакты, доверие, она знала язык улицы, который впитался ей под кожу. Она могла добраться до таких мест и людей, которые были недоступны для других.

И она знала отчаяние улиц. Холодные одинокие смерти наркоманов.

Гамаш надеялся, Амелия Шоке разделяла его глубокое желание остановить эту чуму. Но теперь он не знал, насколько велико было его заблуждение. И насколько серьезную ошибку он может совершить сейчас.

Живя среди отбросов общества, Амелия Шоке читала поэтов, философов. Она была самоучкой, сама освоила латинский и греческий. Литературу. Поэзию.

Да, если она победит себя, она пойдет далеко. В полиции. В жизни.

Но еще он знал: если она не победит, то случится нечто не менее впечатляющее.

И Амелия Шоке, казалось, не дотянула до финишной ленточки совсем немного. Впечатляюще.

Она знала, конечно, когда вошла в кабинет, что они нашли наркотики.

Принести наркотик в академию – это было актом самоуничтожения.

Гамаш закрыл глаза. Ему предстояло принять решение. «Нет, – понял он, – неверно». Нужно было провести в жизнь то решение, которое он принял. Каким бы неприятным оно ни было.

Сидя в кабинете командера, он чувствовал запах влажной шерсти и слышал звук падающего снега.

Он открыл глаза и сказал командеру:

– Нам нужно сделать анализ крови, чтобы иметь основания для возбуждения дела против кадета Шоке.

– Дайте мне еще один шанс, – сказала она. – Я совершила ошибку.

– Ошибку? – сказал Гамаш. – Вы это так называете? Штраф за парковку – вот это ошибка. То, что совершили вы... – Он не мог найти подходящего слова. – Разрушительно. Вы разрушили собственную жизнь, и больше у вас не будет никаких шансов. Вас арестуют, и вам будет предъявлено обвинение. Как и любому другому человеку на вашем месте.

– Я прошу вас, – сказала она.

Гамаш посмотрел на командера, который сделал незаметное движение: принимать решение предстояло Гамашу.

– Где вы взяли наркотик?

– Этого я не могу вам сказать.

– Нет-нет, я думаю, можете. И скажете. Скажите нам, и мы подумаем, как облегчить вашу судьбу.

Последовала пауза.

Все, казалось, неустойчиво повисло в воздухе.

Потом Амелия Шоке нащупала опору:

– У вас.

Гамаш уставился на нее, зрачки его расширились. Предупреждали ее.

Дальше ни шагу.

Запах свежих круассанов. Держать Рейн-Мари в объятиях в кровати дождливым утром. Ехать по мосту Шамплена и видеть небесную линию Монреаля.

– Что вы... – начал было командер.

– Вы даже не знаете, да? – сказала она Гамашу, обрывая командера. – Вы даже не знаете, та ли это чума, которую выпустили вы. Вы потеряли ее след, верно? – Теперь она подавалась к Гамашу, ее зрачки расширились. – Какая фигня была у вас в голове, когда вы приняли такое решение? Вы поэтому так злитесь? Потому хотите меня наказать? За вашу собственную ошибку?

– Это не наказание, кадет, это последствия. Хочу ли я найти наркотики? Безусловно. Но я никогда не думал, что ниточка у вас.

– Бросьте. Вы знали, кем я была, когда вы меня приняли.

– Полагаю, мы должны считать, что нам повезло: вы не сожгли дотла академию.

– Откуда вы знаете, что не сожгла?

Ее слова заставили его замолчать на мгновение.

– Где вы взяли наркотик? Кто вам его продал? – спросил он теперь с угрозой в голосе.

– Какой долбаный балаган вы устроили из своего старшего суперинтендантства?

– Кадет! – предостерегающе сказал командер.

– И почему вы вообще консультируетесь с ним? – спросила она командера, снова признавая его присутствие и показывая пальцем на Гамаша. – Он отстранен. Вы теперь никто, шеф.

Последнее слово она выплюнула. И в тишине снова начались пощелкивания. На сей раз метроном работал медленно. Считал уходящие мгновения. Арман сидел совершенно неподвижно.

– Если я упаду, то следом за вами, – сказала Амелия, еще больше подаваясь вперед. – Вы развалина, старик.

«Она, вероятно, сошла с ума», – подумал командер. Накачалась наркотиком. Ведет себя самоубийственно. Безумно.

– Стало лучше? – спросил Гамаш ровным голосом. – Выпустили желчь? Хотите еще кого-нибудь облевать?

– По крайней мере, я выбрала кого-то моих размеров, – сказала Амелия.

– Хорошо. И теперь мы можем говорить как разумные люди.

Голос Гамаша звучал спокойно, и командер чувствовал силу его личности. Гораздо более мощной, чем молодой кадет. Командер знал, что Гамаш, если захочет, может ее раздавить. Но то, что, по его представлениям, исходило от старшего суперинтенданта, не отвечало его ожиданиям. Он предполагал услышать злость, ярость.

Озабоченность. Гораздо более сильная, чем того требовал гнев Гамаша.

«Господи боже, – подумал командер. – Он хочет попытаться вразумить наркоманку».

Но командер ошибался.

– Мы сделаем вам анализ крови, – сказал Гамаш.

– Я не даю своего разрешения, – сказала Амелия. – И если вы меня не свяжете, никакой крови вы от меня не получите. А я вас засужу в жопу.

Гамаш кивнул:

– Понятно. – Он обратился к командеру: – Я предлагаю кадету Шоке выйти и подождать под наблюдением в коридоре, пока мы будем говорить.

Зазвонил телефон, и Мирна положила сэндвич с хамоном на круассан.

Из глубины кресла в ее книжном магазине она оглядела его. Потом, кряхтя, подняла себя на ноги и подошла к столу:

– Oui, allô.

– Я говорил со старшим сыном – Энтони Баумгартнером. Он созвонился со своими братом и сестрой – они приедут к нему сегодня в три часа.

– Кто говорит? – любезно спросила Мирна, хотя и прекрасно знала кто.

– Люсьен Мерсье. Нотариус.

Из эркерного окна своего магазина Мирна Ландерс видела, как поднимаются кубики мягкого снега и сваливаются в общие массивные сугробы, которые окружали теперь деревенскую площадь. Они были так высоки, что Мирна теперь даже не видела, кто очищает деревню. Только ярко-красная лопата, а потом облако снега.

Ощущение такое, будто ей позвонил недавно образовавшийся горный хребет.

– Три часа, – повторила Мирна, записывая. Посмотрела на часы: половина второго. – Дайте мне адрес. – Она записала и адрес. – Я сообщу Арману, чтобы подъехал туда.

Мирна положила трубку и снова посмотрела в окно на небольшие снежные взрывы вокруг всей площади.

Потом позвонила Арману, назвала время и место встречи с семейством Баумгартнер. Доев последний сэндвич, Мирна направилась на улицу.

– Моя очередь, – сказала она Бенедикту, который теперь потел и мерз одновременно.

– Боже мой, – сказала Клара, налегая на лопату и обозревая еще не очищенную площадь. – Почему мы здесь живем?

День сверкал, на их носах висели капли, нижняя одежда прилипла к потным телам, а наружный слой одежды превратился в ледяную корку. Они выкапывали деревню из-под снега.

Мирна слышала рядом бормотания Клары. Каждое слово сопровождалось коротким пыхтением и целой лопатой снега.

– Барбадос.

– Сент-Люсия, – сказала Мирна.

– Ямайка, – последовал ответ.

– Антигуа, – одновременно произнесли обе, орудуя своими инструментами.

Исчерпав Карибские острова, они перешли к еде.

Наполеон.

Омар. Поссет с лимоном.

Они любили такие вещи.

Арман отключился как раз в тот момент, когда командер вернулся в кабинет.

– Она сидит на скамье в приемной. Мой помощник наблюдает за ней.

– У него есть «тазер»?

Командер хохотнул и подтащил стул так, чтобы сесть лицом к Гамашу.

– И что мы будем с ней делать?

– Что вы предлагаете? – спросил Гамаш. – Это ваша академия. Она – один из ваших кадетов.

Тот задумался на секунду, глядя на старшего суперинтенданта.

– Так ли, Арман? Кажется мне, она ваша.

Гамаш улыбнулся:

– Вы думаете, я совершил ошибку, приняв ее?

– Бывшая проститутка и наркоманка под кайфом, продающая опиоиды в академии? Вы шутите, наверно. Она наше отдохновение.

Арман фыркнул от смеха, но без удовольствия.

– И все же не все смотрят на нее вот так, – сказал он, и его лицо посерьезнело.

– Знаете, на самом деле до этого случая кадет Шоке выделялась своим превосходством над другими. Необычная. Душу может вымотать из любого. Но блестящая. И не склонная к обману. Так я думал.

Командер посмотрел на дверь и представил многообещающую когда-то молодую женщину, сидящую по другую сторону двери.

Как уже много раз бывало на свете, судьба бесшабашной девицы решалась немолодыми мужчинами за закрытыми дверями. И хотя ни один из них не был стар, она, как подумал командер, никогда не доживет до их нынешних лет.

Кадет Шоке отличалась не только безалаберностью. Старший суперинтендант Гамаш правильно сказал: ее действия были разрушительными. Но последствия можно устранить, хотя на это и потребуются значительные усилия. Или руины могут свалиться на землю полностью, погребя под собой всех, кто пытается помочь.

– О чем вы думаете? – спросил командер.

Потому что Гамаш и в самом деле думал о чем-то. Взвешивал.

– Что произойдет, если мы отпустим ее на свободу? – спросил Гамаш.

– Отчислим, вы хотите сказать?

Они определенно могли прибегнуть к такой мере.

Он прикидывал варианты. Они могут объявить кадету Шоке предупреждение и забыть о случившемся. Засунуть его под и без того уже бугрящийся ковер академии.

Молодые совершают ошибки, но это не значит, что на их остальной жизни нужно поставить крест. Хотя в данном случае они имели дело с чем-то гораздо большим, чем ошибка.

Или они могут вышвырнуть ее из академии.

Или арестовать и отдать под суд, обвинив в хранении и распространении наркотиков.

Старший суперинтендант Гамаш рассматривал некое среднее решение, которое для любого другого кадета стало бы обоснованным, даже благоприятным.

Чтобы оно было заслуженным наказанием, но не поставило бы крест на его дальнейшей жизни.

Вот только сейчас речь шла об Амелии Шоке. Молодой женщине, в биографии которой была и проституция, и употребление наркотиков. И которая вернулась к старым привычкам.

– Я начал просматривать, какие есть реабилитационные центры. Реабилитация ей потребуется, какой бы вариант мы ни выбрали.

Не услышав ответа, он посмотрел на старшего суперинтенданта, который в свою очередь разглядывал его.

Глаза командера расширились.

– Non? Но если мы не...

Его мысли вернулись к развилке дорог. И он попробовал другой маршрут.

Лицо командера помрачнело, всякое выражение исчезло с него, когда он заглядывал в будущее кадета Шоке, каким оно станет, если они пойдут этим путем.

– Вы этого хотите? – тихо спросил он. – Даже не попытаетесь помочь ей?

– Однажды я ей помог – и посмотрите, к чему это привело. Если ей требуется помощь, то она сама должна прийти к этому. Так эффективнее. Мы оба знаем.

– Нет, не знаем. Мы знаем только, что она наркоманка, которая опять поскользнулась. Мы несем за нее ответственность, Арман. Мы обязаны ей помочь.

– Она не готова. Вы это видите. Это будет потерей драгоценного реабилитационного места. Которое мог бы занять другой человек. Который готов.

– Вы шутите? – Это все, что смог выдавить из себя командер для начала. – Вы пытаетесь убедить меня или себя, что оказываете ей большую услугу?

– Выгнать ее – никакая не услуга.

– Мне представляется, что, когда вы были ранены, вас унесли в безопасное место. Никто не ждал, чтобы вы приползли в операционную.

Гамаш чувствовал, что все его тело словно в иголках. От справедливости услышанных слов. Но он должен был оставаться твердым. Решительным.

– Она ранена, Арман. Рана глубокая. Считайте, что ее подстрелили. Она нуждается в нашей помощи.

– Ей необходимо знать, что она может сделать это сама. Если сможет – больше уже не поскользнется. Вот такую помощь мы ей сейчас и окажем.

– Бога ради, Арман, отпустить ее сейчас на свободу – все равно что убить. Вы это знаете.

– Нет. Если я дам ей свободу, то позволю распоряжаться собственной жизнью. Она сможет. Я знаю: сможет.

– Вы пришли к такому выводу, попивая виски у камина, верно?

Они разглядывали друг друга. Слова командера были не так уж далеки от истины. Арман сидел в своей гостиной, голова Анри лежала на его ногах, Рейн-Мари напротив читала архивные папки. За окном неторопливо падал снежок. А старший суперинтендант Гамаш решал судьбу бесшабашной девчонки.

Амелии. И тысячи других. Может быть, сотни тысяч других.

Он взвешивал варианты перед камином.

Живой и здоровый. В тепле и уюте. Он взвешивал варианты и ту жестокость, которую собирался совершить.

Двадцать минут спустя они стояли в длинном коридоре у выхода из академии.

Амелия Шоке, теперь не в форме, подошла к ним, по обе стороны от нее шли сотрудники академии. На ее плече висел большой рюкзак, набитый не одеждой, как решил Гамаш, судя по острым краям, выпиравшим из-под материи, а единственным, что, по мнению Амелии, следовало хранить.

Книгами.

Он смотрел, как она идет. Кадет прошла мимо. Никто из них не сказал ни слова. Она, конечно, вернется на улицу. В грязь. К наркотикам и проституции, необходимой для оплаты следующей дозы. И следующей.

Пройдя мимо него, Амелия, сделав несколько шагов, остановилась. Она засунула руку в сумку, потом одним кошачьим движением вытащила что-то и бросила в него. Предмет с такой скоростью пролетел по воздуху, что командер рядом с ним едва успел отвернуться.

Но инстинкты Гамаша действовали иначе.

Он не стал уворачиваться. Его правая рука взметнулась вверх и ухватила вещицу, прежде чем та ударила ему в лицо.

Арман в последний раз бросил взгляд на Амелию Шоке и увидел ухмылку на ее лице, когда она снова повернулась к нему, чтобы выставить вверх средний палец, перед тем как уйти в свою новую жизнь. Старую жизнь.

Гамаш стоял, созерцая пустой прямоугольник света; наконец дверь закрылась, и коридор погрузился в полутьму. Только тогда посмотрел он на маленькую книгу в руке. Та самая, которую он предложил ей в ее первый день в академии. Целую жизнь назад.

Его собственный экземпляр. Марк Аврелий. «Размышления».

Она отвергла подарок с ухмылкой. Но теперь он посмотрел на тоненькую книжицу. Амелия купила собственный экземпляр. Чтобы швырнуть ему в лицо.

– Excusez-moi, – сказал он командеру, который смотрел на него чуть ли не с ненавистью. – Могу я воспользоваться вашим кабинетом? Приватно?

– Конечно.

Гамаш позвонил, хотя дверь и не была закрыта полностью и командер мог слышать. Потому что он слушал.

– Она ушла. Следите за ней.

И тут командер понял, что сделал Гамаш. Что он делает. И что явно отвечало составленному им еще раньше плану.

Старший суперинтендант выпускал молодую женщину в дикий мир. И куда она пойдет? Наверняка назад, в грязь улицы. И там, среди подонков, она начнет искать новую дозу.

Шоке выведет их на торговца. И возможно, на всю партию опиоидов, которую глава Sûreté du Québec впустил в страну.

Старший суперинтендант Гамаш найдет наркотики и спасет множество жизней. Но для этого ему придется перешагнуть через тело Амелии Шоке.

Коммандер, провожая взглядом Гамаша, не знал, восхищается ли он теперь главой Sûreté еще больше. Или меньше.

Кроме того, он играл с одной недостойной мыслью. И сколько бы ни пытался отделаться от нее, она отказывалась уходить.

Коммандер спрашивал себя, не подложили ли ей наркотик по команде старшего суперинтенданта, который знал, чем это кончится. Знал, что случится дальше.

Арман в машине, прежде чем отправиться на встречу с Мирной и другими, снял перчатки, надел очки для чтения, взял книгу в свои большие руки.

Потом открыл, вернулся на знакомые страницы. Старый друг.

Просматривая потрепанные страницы, он нашел подчеркнутые ею строки.

«Человек должен страшиться не смерти, а того, что он никогда не начнет жить».

И он подумал о щелк-щелк-щелканье, которое слышал, когда Амелия проходила мимо. Ее подсказке.

Спасите наши души.

Глава тринадцатая

– Арман, вы должны это услышать.

Гамаш не успел войти в дом старшего сына Берты Баумгартнер, как Мирна потащила его в гостиную, где уже собрались все.

Он снял куртку, шапочку, перчатки, ботинки и теперь стоял в носках, оглядывая комнату. Вдоль дальней стены он видел стеллаж с книгами, фотографиями в рамочках и всякими сувенирами, скапливающимися в каждом доме. На другой стене висели картины. Никакого авангарда – вполне пристойные акварели, несколько картин, писанных маслом, несколько нумерованных графических копий. Окна выходили на задний двор, где на площадке, усыпанной глубоким, ярким снегом, стояли взрослые деревья. В камине потрескивали поленья.

Комната была выдержана в приглушенных, пожалуй, brutальных оттенках бежевого и голубого. Эта комната, этот дом нашептывали о комфорте и успехе.

– Арман Гамаш, – сказал он, по очереди пожимая руки трем наследникам Баумгартнер. – Примите мои соболезнования в связи с вашей утратой.

Они смотрели на него, и в их взгляде возникала некоторая неуверенность. Тот теперь уже привычный удивленный вид оттого, что человек, которого они видели по телевизору, неожиданно появился в их гостиной собственной персоной. В трех измерениях.

Он ходит и говорит.

Пожимает им руки.

Энтони, Кэролайн и Гуго.

Высокие. С аристократическими чертами. Здоровой комплекцией людей, которые любят поесть, но следят за собой.

Кроме Гуго.

Он, казалось, пошел в мать. Коротышка с животиком и румяной физиономией. Утенок среди лебедей. Хотя он скорее походил на жабу.

Энтони Баумгартнер в пятьдесят два был старшим, за ним следовала Кэролайн, а за нею – Гуго, последний. Хотя Гуго выглядел гораздо старше других, его лицо словно состарилось под воздействием стихий. Статуя из песчаника, слишком долго простоявшая под открытым небом. Волосы у него были серо-стального цвета. Не благородная седина на висках, как у Энтони, не мягкие светлые волосы, как у крашеной блондинки Кэролайн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.